

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

ВЛАДИМИР
БУТЕНКО

ЧЕСТЬ
ДОРОЖЕ
СЛАВЫ

Владимир Павлович Бутенко

Честь дороже славы

Серия «Россия державная»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38840752

Честь дороже славы: Вече; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-7542-9

Аннотация

Действие романа разворачивается на Кавказе и на Дону, в Крыму, Петербурге, Венеции, Версале. 1774 год. Русские войска успешно добивают остатки турецкой армии на Балканах. Долгожданный мир не за горами. Но турецкий султан все еще не оставляет попыток переломить ход кампании в свою пользу и посылает верного вассала — крымского хана — в гибельный поход на Кубань... Вторая часть романа повествует о ликвидации Запорожской Сечи, о создании Азово-Моздокской оборонительной линии и закладке новых крепостей, ставших форпостом России на Кавказе.

Содержание

Честь дорожке славы	5
Часть первая	5
1	5
2	17
3	24
4	33
5	41
6	49
7	59
8	65
9	75
10	83
11	90
12	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Бутенко

Честь дорожке славы

*** * ***

© Бутенко В. П., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Честь дороже славы

*«Гуляй, казак, дыши вольным ветром, носись
с пикой, с саблей возле самой смерти!.. Удаля ли
гонит казака на поле битвы или честь велит?»*

Вячеслав Шишков

Часть первая

1

Донская зима-разгульница недолго кроила свои кружева и серебром шитые наряды! Во хмелю морозном и румянце, в летучих юбках выюжных да переливчатых бусинах-льдинках пожаловала она в Черкасск аккурат к Николину дню, к самому что ни на есть дорогому празднику казачьему!

Весь войсковой Воскресенский собор – от алтаря до входа – озарен свечками и полон православным людом. На кого же и уповать ему, как не на Миколу Угодника, заступника в боях лютых и в тщете мирской? Так велось на Дону истари.

Сотник Леонтий Ремезов отстоял Всенощную, обращаясь в помыслах ко Вседержителю и Николаю Чудотворцу. «Из-

бави нас, угодниче Христов, от зол, находящихся нас, и укроти волны страстей и бед, возрастающих на нас, да ради святых твоих молитв, не обымет нас напасть, и не погрязнем в пучине греховней и в тине страстей наших, – шептал Леонтий, осеняясь крестным знамением. – Моли, святитель Николай, Христа Бога нашего, да подаст нам мирное житие и оставление грехов, душам же нашим спасение!»

Эти последние слова молитвы были особенно волнительны. С осени его платовский полк находился в родном краю «на льготе», ожидая нового похода. Леонтий незаметно прирастал к дому, привыкал к простым нуждам и хлопотам, к тому, что рядом была любимая Мерджан. Но «мирное житие» в любой час могло прерваться призывом в полк! Тревожные вести доходили с Кавказа, где все чаще бесчинствовали горские отряды, и с крымской стороны, объята междоусобицей. По всему, турки хотя и подписали мирный трактат, но поползновений на господство в Крыму не оставляли...

Временами от спертого воздуха, от тесноты, от монотонного тенорка дьячка, читавшего святое писание, клонило в дрему, и Леонтий, преодолевая ее, думал о матери, слегшей третьего дня, о брюхатой своей женушке, о святом и мелочном, причудливо перемешанном в такой непредсказуемой жизни.

Но вот с чарующей силой подхватывал молитвенный распев хор, слаженностью голосов трогая до слез, – и душа радостно светлела. И чудилось присутствие в храме Господа

и Святого Угодника, внемлящих и сострадающих. Взгляд, привыкший к полумраку, в эту минуту точно становился острей. И Леонтий снова вглядывался в лики святых на высоком пятиярусном иконостасе. Позолотой отливали на фоне беленых стен колонны, как бы сплетенные из виноградных лоз, которые, ветвясь, дивно увивали образа. Пред божьей ратью, каждый в свой час, уже предстали его предки, батюшка Илья Денисович, многие однополчане. Но коль казак ты плоть от плоти и крепки в душе дух ратный и вера христианская, нет иного пути, как жить и помереть за-ради Дона и державы Российской.

Сердце вздрагивало, когда бас священника покрывал хор певчих и, колебля огоньки свеч и лампад, раскатисто расширялся о стены. Казаки переглядывались: экий голосина! Улыбался и Леонтий: все здесь было с детства знакомо, полно особого смысла и непознаваемой тайны, все говорило о скоротечности пребывания в юдоли земной...

Наконец, священник громоподобно и протяжно воспел «аллилуйя». Богомольцы задвигались. После короткой проповеди батюшки толпа поднаперла, подалась наружу.

На паперти Леонтий столкнулся с Касьяном Нартовым, урядником из его сотни. Крутоплечий, синеглазый казачина в последнее время оказывал знаки внимания Марфуше. Да и сестре, как догадывался Леонтий, ухарь был по нраву.

– С праздником, господин сотник! – выпалил Касьян, встряхнув чубатой головой. – Добра да хлеба во двор!

– И тебе того ж! – улыбнулся Леонтий. – Почему без шапки? Никак пропил?

– Обменял на волкобой¹. Айда в завтрашний день на гульбу! Ишо назовем с десяток гулебщиков² и серых замордуем. Слыхал, наш платовский полк снова отправляется на борьбу с бунтовщиками. Кудысь в Рассею. Хоть напоследки позабавимся!

– Давай на другой день. Завтра поп с причтом будет курени обходить. Положено дома находиться.

– Нехай будет по-твоему. Только ты, Леонтий, на своем краю ишо ребят набери. Амором охотиться ловчей... А иде ж Марфа Ильинична?

– Да вот гляжу – должны они с Мерджан к тому дубу, что наспроть ворот церковных, прийти.

Парень кивнул и ветром слетел со ступеней.

Позднее декабрьское утро только входило в силу, а с дальних и ближних улиц, с раскатов уже валила к соборному майдану веселая молодежь, стекались малороссы и крещеные калмыки. Вслед за ними, согласно традиции, появились особы старшинского разряда в шубах с собольими воротниками, купцы, строголикие староверы-бородачи, бабы мужние и вдовушки, за которыми хвостиками вязалась детвора.

Леонтий, приплясывая от мороза, ждал и с интересом оглядывал майдан. Все его пространство было уставлено

¹ Волкобой (донск.) – плеть с тяжелым свинцовым шаром на конце.

² Гулебщик (донск.) – охотник.

сбитыми на скорую руку лавками и палатками. Торговые люди, точно поставые, не покидали мест, зазывали покупателей. Чего только не сыщешь в рядах! И шали с кистями, и зеркала, и диковинные самоцветные украшения для прелестниц, и домашняя утварь, и одежда на любой вкус – от кафтанов до шелковых тирасок! А казаков манит кубачинское и турецкое оружие: убойные ружья, шашечки-молнии да кинжалы с наборными рукоятями. В сторонке – провиантские ряды. Здесь свежесть снега мешается с запахами пшеничных булок и копченого сала, яблок, неведомых заморских фруктов, привезенных персом. Солнце встало уже в полдуба, а этот смуглый горемыка, закутанный поверх чалмы шерстяным полушалком, в толстой бурке и рукавицах, так продрог, что лишь таращит свои темные глазищи и, едва шевеля посиневшими губами, по-кочетиному выкрикивает: – Алимон! Карош-карош... Алимо-он!

Черкасцы берут в руки и с любопытством разглядывают эти округлые ярко-желтые плоды, много раз нюхают. Аромат приятственный. Но нет! Не хвалят «алимон» в городке, кислые до оскомины. Одна только расфуфыренная краля, женка полковничья, не пожалела медяков, твердя во всеуслышание, что нет средства верней супротив клопов!

Покупки делали к Рождеству. Потому выбор снеди, несмотря на пост, был богат: окорока, бараньи ноги, вяленая белорыбица, осетрина, отливающая на солнце слитком золота. Немало бочек и бочонков со свежей, точно инеем по-

дернутой паюсной икрой. Ее охотно казаки берут, подставляя глиняные миски, и – к питейщикам! Очередь там – на полверсты. Виноторговцы, толстомясые мужички, черпаками разливают, жалея каждую каплю, бражку, многолетние меды, сивуху. У прилавка гомон и толкотня, захмелевшие бражники подходят «налить вдругорядь», их не пускают, костерят те, кто трезв. Питейщики, сохраняя полную невозмутимость, берут деньги из рук, отпускают зелье по оплате – кому в чарку, кому в кувшин, а кому и в ведро!

За всем этим орлиным взором наблюдает их хозяин, владелец винокурни. Дородный, с бородой-лопатой, воронежский прасол возбужден и доволен тем, как идет продажа. Недаром, стало быть, «барашка в кармашке» сунул писарю войскового правления, пособившему получить разрешение на торговлю. Время от времени этот заезжий красавец в медвежьей шубе и шапке крестится на все девять глав величественного храма, щурясь от блеска золоченых крестов, вступает в беседы с хорошенькими казачками, гуляя по майдану. Его мучит жажда после вчерашнего застолья у писаря. Но нет нигде, даже в харчевне, привычного с пеленок кваса либо пива. Не жалуют эти «расейские» напитки казаки и духу не терпят! Видно, остается только хлебнуть рассола из бочки с огурцами, которые продает тут же, на отшибе, шельмоглазый дядька в тулупе и остроконечной запорожской «макитре»...

Цветастые шали Мерджан и Марфуши угадал Леонтий из-

дали и, не мешкая, пошел навстречу. Приодетые в азямы из верблюжьей шерсти, украшенные аграмантом, обе были высоки и красивы и невольно притягивали взгляды. Леонтий очень не любил, когда на жену пялился кто-либо из казаков. Из дружественного ногайского аула, где лечил свою рану у знахаря, выкрал он полгода назад Мерджан и вместе со своим ординарем переправил на Дон, к родителям. Правда, за такое своеволие помиловал его тогда командир полка Матвей Платов, помня, как вместе бились на реке Калалы, отражая армию крымского хана Девлет-Гирея. В тот апрельский день два казачьих полка, окруженные вражеским полчищем, соорудили из телег вагенбург, полевое укрепление, выкопали рвы и приняли смертный бой. Целый день волна за волной накатывались крымчаки, и всякий раз донцы давали им отпор, вступали в рукопашную, разили из ружей и пищалей. Подоспевший небольшой отряд Бухвостова, ударивший во фланг ханской армии, вызвал у противника панику и переполох. Крымчаки бросились беспорядочно отступать, и казаки гнали их до самой Кубани...

Сначала Леонтий угостил своих барышень пряниками и лущеными орехами, затем повел их на пустырь за церковью, где под балалайку молодежь водила хоровод, выступали скоморохи, и жалобно цугикала³ шарманка. Тут же, на отшибе, стояли крытые кибитки ногайцев, торгующих верблюжьей шерстью. Марфуша потащила в хоровод Мерджан, но та ша-

³ Цугикать (донск.) – играть.

рахнулась, одичало сверкнула глазами:

– Что ты! Я не чета тебе, незамужней! Лучше подойду к своим. Может, выберу шерсть...

Леонтий хотел последовать за женой, но сестра подхватила его под руку и, смеясь, повлекла в круг подружек. Девушки, одна другой краше, враскачку проходили мимо красавца сотника, и он, как полагалось в хороводе, приветствуя, каждой отвешивал головой поклоны. Мерджан почему-то у кибиток задержалась, а когда вернулась к вышедшему из веселой круговерти мужу, на глазах ее блеснули слезы.

– Что с тобой, сладушка? – забеспокоился Леонтий. – Тебя обидели?

Мерджан попыталась улыбнуться и отвела глаза:

– Нет, меня тронула музыка шарманки. Такая жалобная...

Леонтий с недоверием посмотрел на жену, поняв, что она чем-то опечалена, что-то не договаривает...

Полдень выстоялся погожий, тихий, с открытым бирюзовым небом.

Мерджан шла под руку с любимым и, задумавшись, шурилась от многоснежья, от частокола сосуллек вдоль застрех куреней, горящих под солнцем. С каждым часом разгулье крепло – рекой лилось вино, под балалайки и бандуры затевались плясы-переплясы да песни, а они были вдвоем, вдвоем в этом еще не познанном ею казачьем мире. Но сейчас, как замечал Леонтий, жена была иной, чем в предыдущие дни, – встревоженной и молчаливой. После Рождества они

должны были обвенчаться. Предстоящие церковные обряды, вероятно, вызывали у Мерджан волнение. А беременность переносила она нетрудно – только пристрастилась грызть куски мела. Леонтий не стал допытываться, зная, что любимая сама ему расскажет обо всем...

Завернули к прибрежному выгону посмотреть старинную казачью игру. На рамке, сделанной из жердей, висело железное кольцо величиной примерно в один ручной обхват. Дюжина молодых казаков, разгоня лошадей, на полном скаку должна была пробросить пику сквозь это кольцо так, чтобы не зазвенел привязанный к нему колокольчик. Ухари сменяли друг друга, старательно метились и попадали, но трехаршинная пика то и дело цеплялась задним концом, рассыпая веселое треньканье.

– Дюжей надо метать! – наблюдая, пояснял Леонтий жене. – Чтоб летела пика как пуля. Я раньше тоже захаживался. Вот, кажется, простое занятие. А попробуй попади!

Поодаль, в тылу собора, собиралась толпа в ожидании кулачного боя. Добровольцы-драчуны кучковались вокруг судьи, есаула Браткова. Леонтий, приметив однополчан, не сдержался. Несмотря на отговоры жены, сбросил ей на руки новехонький бешмет и шапку и подался к своим.

Платовцам и примкнувшим к ним отчаюгам противостояли казаки Рыковской станицы и Алексеевского бастиона. Среди них были батарейцы, изрядно нянчившие ядра и на своих руках таскавшие мортиры. Да и кулачищи у них, в са-

мом деле, походили на чугунные шары. Три года подряд побивали они супротивников на всех праздниках.

Носком сапога подручный Браткова, лихой приземистый казачок, прочертил по снежному насту межу. А сам есаул, дав команду бойцам разойтись, с одной и с другой стороны воткнул по флажку. Гурьбе Леонтия достался синий, а батарейцам – алый. Победителем становился тот, кто переносил флажок противника на свою делянку.

– Сходись на бой! – гаркнул Братков, выкатив глаза и шевельнув порыжелыми от курева усищами.

Мерджан в первый раз видела, как две ватаги казаков, только что дружески шутившие между собою, бросились в рукопашную. Под возгласы и грозные крики замелькали кулаки! В ратоборство вступали попарно. Поначалу сторонники Леонтия, удерживая «стенку», удачно отмахивались от пушкарей. Но те, войдя в азарт, изломали порядки платовцев и потеснили назад. Вот уже двое приятелей Леонтия сели на снег, закрывая ладонями разбитые лица. Вот и самого его, искусного кулачника, с двух рук проворно «метелит» казак с бастиона, рослый и по-медвежьи сутулый. Верхняя губа Леонтия разбита, нос распух, но дерется он по-прежнему упорно, уворачиваясь и ответно осыпая батарейца тумками. И вдруг могучий верзила, пропустив удар Леонтия, дернул головой и закачался по-пьяному, припал на колени...

Мерджан взволнованно наблюдала за побоищем и еле сдерживала себя, чтобы не броситься мужу на выручку.

Леонтия высмотрел знаменитый боец Василь Метла, также успевший уложить своего первого противника. Василь некасист, но шея у него, как у быка, а ручки вроде кузнечных щипцов. Случалось, на спор разгибал он подковы. Разок прозевал Леонтий его выпад, второй. И как-то обмяк, точно опору потерял. Мерджан, объятая гневом, швырнула на землю все, что было в руках, и кинулась к мужу. В мгновение донесли ее быстрые ноги к дерущимся. С ходу налетела на Василя, вцепилась рукой в его оттопыренное ухо. Ахнув от неожиданной боли, станичник скосил голову и не поверил глазам: на него напала... баба! От боли он отмахнулся локтем, толкнул ногоянку в грудь. Леонтий задохнулся от ярости. И, увидев в его глазах безумный блеск, Василь, этот непобедимый кулачник, попятился...

Между тем платовцы, дав противнику порастратить силы, перешли в наступ. Бой затягивался. Есаул Братков и старики судьи теряли терпение: давно были приготовлены бочка полтавской горилки и жбан с квашеной капустой. Тут и смекнул дед Филимон, сам рыковский станичник, что платовцам надлежит присудить поражение, так как на их позицию выбежала баба и чинила супротивникам ущерб. Его поддержали бородатые старшины. Есаул рявкнул: «Разбороняйся!» Однако унять кулачников было не так-то просто: и разойдясь, они задевали друг друга, сулились «возвернуть должок». Братков громогласно объявил решение судей. И Метла, в знак справедливости такого решения, всем продемонстрировал свое

надорванное ухо.

Мерджан очень огорчилась, когда победу присудили противникам Леонтия. Она виновата. Хотя совершенно не знала, что существуют такие правила. Но Леонтий ее успокоил: каждый раз судьи решают по-своему, и никаких особых ограничений для казачьих драк вовсе не существует. Она немного постояла в сторонке с казачками, наблюдая, как муж с приятелями делил «чашу круговую». А затем куда-то ушла...

Казаки гулеванили, пили столько, сколько каждый хотел. Славно потешились, разукрасили друг друга до неузнаваемости – не один день придется вылеживаться на печи. Это пройдет, а дух боевой, смелость и навыки рукопашной – останутся!

Смерклось по-зимнему быстро. Стало студено. На небе высеялись первые ясные звездочки. Леонтий, подумав, что жена уже дома, шел к своему куреню, обессилевший и захмелевший, улыбаясь и пытаясь петь, шлепая непослушными разбитыми губами...

В курене Мерджан не оказалось. Она вообще не приходила, хотя предупредила Леонтия, чтобы не задерживался. Он неспроста встревожился. Хмель как рукой сняло. Поднятые по тревоге казаки его сотни расторопно обошли курени, где у тумок⁴ или чиберок могла загоститься ногаянка. Но никто ее не видел и не знал, где она может быть. Тут только по-

⁴ Тумка (донск.) – женщина из татарского рода.

нял Леонтий, что жену могли подкараулить и увезти ногойцы, не простившие того, что приняла крещение и наречена христианским именем Мария. Два конных отряда направились в разные стороны, надеясь настичь кибитки злоумышленников. Но, как назло, повалил снег. И за час так замело зимник, что он даже для коня стал непроезжим. Казаки разъезда, в котором был Леонтий, стали вразумлять его, что надо возвращаться. Он наотрез отказался и в одиночку погнал свою лошадь в морозную выюжную ночь. Односумы с трудом его догнали и, связав, привезли домой.

След Мерджан затерялся...

2

С того сентябрьского дня, когда стало известно о поимке Пугачева, Екатерина не могла четко определить степень своего участия в решении судьбы злодея. Всякий раз получая письма от Вольтера, Гримма или Дидро, она невольно настраивалась на их образ мышления. Сии мудрецы отличались атеистическими воззрениями. И все же удачу, сопутствующую ей в последний год, императрица восприняла как промысел Божий. Война с Турцией опустошила государственную казну. Рекрутские наборы вымели крестьян из деревень и селений, приведя хлебопашество в упадок. И мор чумной, и голод, и безжалостное обращение помещиков с крепостными – все это делало ее народ несчастным. Она с

благими намерениями пыталась отменить рабство, принять закон, дающий крестьянам волю. Показывая пример решимости, Екатерина Алексеевна выкупала крепостной люд и переводила в мещанство. Но сановная знать и дворянство этим реформам воспротивились. Россия – не Европа, здесь, дескать, либеральничать опасно... Вот и стал расплатой за все зло, причиненное этими упрямыми черни, за варварское к ней отношение бунт Емельки Пугачева!

Целый год длилось это дьявольское по своей необузданности и жестокости испытание. Пик его совпал с приездом в Петербург Дидро. В первое время они беседовали ежедневно, касаясь разнообразных тем, обсуждая ситуацию в Польше и пути заключения мира с Портой. Дидро заводил речь о преобразованиях в России. Она внимала философу, а сама думала о том, где найти войсковой резерв для усиления отрядов, посланных на пресечение сполоха яицких казаков. Казалось невероятным, что они, многократно приезжавшие к ней с челобитными, присягнули разбойнику, объявив, что он – истинный царь Петр III! Эта бесстыдная ложь эхом разлетелась по Яику, Волге и Уралу. А в Европе – новая напасть! Вдруг объявилась лжедочь покойной государыни Елизаветы Петровны, также претендующая на царский трон! И эти две самозванные, точно из преисподней возникшие тени вызывали в стране, принадлежащей ей, злоумышленное брожение умов. Как можно было в этих условиях проводить реформы?

Вот и сейчас, три месяца спустя после пленения вора Пу-

гачева, когда преступления его расследованы, а сам он доставлен в Москву и допрошен статс-секретарем Тайной экспедиции Шешковским, Екатерина избегала поставить точку в приговоре злоумышленникам. В том, что зачинщик смуты заслуживает лишения жизни, никто не сомневался. Но совершено должно быть не убийство, а – на поучение народа – казнь! Возмездие – торжество справедливости и перст Божий...

Этим утром императрица не могла унять меланхолию. За окнами валил снег, прилепляясь к стеклу и рисуя причудливые узоры. А мысли настойчиво обращались к тому, что завершается год, и молодость ее отступает все дальше, а душа чувствует глубже, страсти обретают неведомый прежде накал, и хочется быть с «Гришулечкой», бездумной и покорной, и бесконечно любимой. И всеми поступками рыцарь ее это подтверждает. И как будто нет причин для грусти, но она слишком искушена, чтобы не знать быстротечности всего: и любви, и славы, и жизни...

Обер-камердинер подал на серебряном подносе записку, и по ее форме, по крупному почерку Екатерина поняла, что она от «милюши». Потемкин захворал горячкой полторы недели назад, и, как ни старался придворный врач Иван Кельхен излечить Григория Александровича, пациент оставался слаб и не покидал своих покоев. А с ним необходимо было посоветоваться, поскольку следственные действия по делу Пугачевского мятежа были окончены, и руководивший

ими Павел Потемкин привез материалы. Пора было обнаружить Манифест о мятеже, определить состав суда и обоснование приговора. Недуг «тайного супруга» смешал планы Екатерины, которая собственной рукой набросала проект или, по ее определению, «мотивы» манифеста. Слава богу, «сударка» написал, что чувствует себя лучше!

Екатерина быстро взяла ручку, макнула ее в чернильницу и стала строчить ответ: «Батинька, мой друг. Грустно до бесконечности, что ты недомогаешь. Чрез час или менее пришлю я мотивы к Манифесту и прошу тебя, буде нетрудно, оных прочесть. И буде ими доволен, то вручи их Преосвященному, дабы сочинил Манифест». Екатерина остановилась, взвешивая, насколько правильно ее решение доверить окончательную редакцию документа архиепископу Гавриилу. Пастырь Санкт-Петербургский и Ревельский был в тесных отношениях с Потемкиным, отличался мудростью и благонравием. Его слово будет иметь должный отклик и среди духовенства, и среди влиятельных людей...

Отослав весточку «Гришёнку», императрица еще раз принялась просматривать проект манифеста. Начало было общепринятым для царских обращений:

«Объявляем во всенародное известие. Всему свету ведомо есть и многими опытами дел наших повсюду доказано, что мы, приняв от промысла божия самодержавную власть Всероссийской империи, главнейшим правилом в царствование наше положили пещись о благосостоянии вверенных

нам от Всевышнего верноподданных, по намерениям и в угодность подателя всякого блага, творца, несмотря ни на какой род препятствия. Мы жизнь нашу посвятили тому, чтоб доставить в империи нашей живущим всякого состояния людям мирное и безмятежное житие. Для того мы непрерывный труд прилагаем к утверждению христианского благочестия, к поправлению законов гражданских, к воспитанию юношества, к пресечению несправедливости и пороков, к искоренению притеснений, лихомании и взятков, к умалению праздности и нерадения к должностям».

Екатерина скользнула взглядом ниже, пропустив абзац о заключении мира с Портою, и вновь сосредоточилась на чтении:

«...Видя единственное стремление ума нашего довести империю делами подобными до высшей степени благосостояния, кто не будет иметь праведного омерзения к тем внутренним врагам отечественного покоя, которые, выступя из послушания всякого рода, дерзали, во-первых, поднять оружие против законной власти, пристали к известному бунтовщику и самозванцу донскому казаку Емельке Пугачеву, а потом обще с ним чрез целый год производили лютейшие варварства в губерниях Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнем церкви божии, грады и селения, грабя святых мест и всяческого рода имущества и поражая мечом разными ими вымышленными мучениями и убийством священнослужителей и состояния выш-

него и нижнего обоего пола людей, даже и до невинных младенцев».

Далее шла речь о преступлениях пугачевской шайки. О том, что следствие завершено и она направляет его выводы в Сенат, «повелевая купно с синодскими членами, в Москве находящимися, призвав первых трех классов персон с президентами всех коллегий, выслушать оное от помянутых присутствующих в Тайной экспедиции, яко производителей сего следствия, и учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию по всем ими содеянным преступлениям против империи, к безопасности личныя человеческого рода и имущества».

Подкатившая тошнота напомнила о беременности. Это обстоятельство, открывшееся недавно, безусловно, затруднит проведение задуманного летом празднества в Москве в годовщину мира с Турцией. Волю Божью видела она и в своем будущем материнстве, и в том, что образ ее жизни диктуют обязанности императрицы. Лишь ей одной ведомо, как тяжело быть в двух лицах – женщиной и государыней, как противоречивы бывают чувства и помыслы. Но покамест ей удастся покоряться рассудку, который всегда оказывался прочней любой страсти.

И, вернувшись к манифесту, окинув взглядом исписанный лист, Екатерина добавила:

«Касающиеся же до оскорблений нашего величества, мы, презирая, предаем оные вечному забвению: ибо сии вины

суть единственно те, в коих при сем случае милосердие и человеколюбие наше обыкновенное место иметь может...»

И в течение всего дня, принимая доклады и подписывая документы, выслушивая обер-полицмейстера Чичерина о происшествиях за последние сутки, беседуя с президентом Коллегии экономии Хитрово и правителем дел Высочайшего Совета Стрекаловым, с президентом Коммерц-коллегии Минихом, Екатерина не могла отрешиться от грусти. Идти в апартаменты Потемкина ей было непозволительно как царице. А знать, что «Милюша» рядом, но не видеть его, не видеть больше недели – мука мученическая!

Под вечер разыгралась выюга. Вой ветра, снежные нахлесты наполнили дворец шумом и отголосками. Постный ужин Екатерина разделила только с Марией Саввишной. Верная и незаменимая ее заботница, камер-юнгфера, составила пару и при раскладке пасьянса. Императрица была рассеянна и, быстро заскучав, смешала карты.

– Уж не больны ли вы, матушка Екатерина Алексеевна? – участливо спросила Мария Саввишна, подшибаясь рукой и кладя на нее пухлый подбородок. – Не приказать ли заварить чабрецу?

– Волнительно невесть почему. Покидают меня соратники, люди проверенные. В августе Захар Чернышев оставил Военную коллегию. Теперь – вице-канцлер Голицын подал в отставку. За ним – трое из братьев Орловых. Владимир отказался директорствовать в Академии наук. Григорий Гри-

горьевич уезжает за границу. Федор тоже просится с государственной службы. Да и Алехан, как только вернется из Италии, поступит точно так же.

— А куда, ваше величество, денешься! Одни стареют, другие им на смену встают. Чай, не бедна наша Россия достойными людьми.

— Человек может быть достойным, но в намерениях своих предерзок, злоумышлен. Делами ставит он себя! Я в эту сен-тенцию смолоду уверовала. И при дворе тшусь отмечать тех, кто не ради выгоды собственной, а блага всеобщего радеет и служит... Я, пожалуй, снова разложу пасьянс, а ты, голу-бушка, сделай милость. Передай через адъютанта записочку Григорию Александровичу!

Перекусихина, дородная рязанская дворянка, расторопно поднялась и бабочкой порхнула к двери.

3

Кучук-Кайнаджирский трактат положил конец военному противостоянию Российской и Османской империй, обозначил границы и условия международных отношений, но отнюдь не гарантировал дальнейшего покоя. Более того, составленный на трех языках: русском, турецком и итальянском, он у каждой стороны вызывал свое собственное истолкование, что приводило к спорам и путанице. Австрийский посланник Тугут считал даже, что благодаря уловкам в тек-

сте русские одурачили Абдул-Гамида.

Надо полагать, австриец заблуждался. Турецкого султана совсем не интересовали стилистические тонкости текста. Он всячески оттягивал государственное признание соглашения с русской царицей, обязывающего выплатить огромную контрибуцию. Абдул-Гамид правил Портой всего полгода, и то, что его приход к власти начался с поражения в войне, больно ранило самолюбие правоверного турка. В минуты откровения он говорил единомышленникам, что с Россией заключен не мир, а всего лишь перемирие. И надлежит готовиться к реваншу, к возврату черноморских крепостей и Крыма, к завоеванию Кубани и Кабарды. Для этого, прежде всего, требовался флот, восстановление которого займет несколько лет. Да и деморализованная его армия требовала обновления и перевооружения. Исход сражений решали пушки и огнестрельное оружие. В этом европейцы превосходили султана. А ближайшей целью Абдул-Гамид выбрал Кубань и Кабарду, чтобы военный пожар, зажженный горцами, не только ослабил Россию, но и перекинулся в Крым. Благо русско-турецкая граница шла по реке Кубань и на левобережной стороне могли скрываться отряды, враждебные Екатерине. Поднял дух султана и приезд в Константинополь татарской делегации, обратившейся к нему с нижайшей просьбой вновь взять покровительство над Крымским ханством, стирая на народ его не только власть халифа всех магометан, но и государственную. Русский представитель при дворе

султана, полковник Петерсон, требовал высылки мятежных татар, выполняя указания императрицы, но турецкие власти чего-то выжидали...

Евдоким Алексеевич Щербинин, получив ордер из Иностранной коллегии, оставил все дела Слободской губернии и выехал из Харькова в ногайские кочевья. Ранняя в этом году объявилась зимушка на юге! Высокие снега искрились по всей приазовской равнине. И хотя путь пролегал по наезженному тракту, охранение губернатора было усилено полусотней казаков. Ехал он не с пустыми руками, с целым мешком денег. Рескрипт императрицы от 12 ноября повелевал начать действия по отделению Кубани от Крыма. Предполагалось создать Татарскую область, или Ногайское ханство. Это объединило бы все орды, переселившиеся из Бессарабии. Но как их сплотить, постоянно между собой враждующих, нарушающих договоры и присяги?

В Ейском укреплении Евдокима Алексеевича ждал представитель России при ногайских ордах Стремоухов. Он уведомил о том, что Шагин-Гирей и Джан-Мамбет-бей, как требовала депеша, предупреждены и явятся по первому требованию. Щербинину отвели натопленное помещение пристава, а свита его и конвой расположились в караулах и палатках вместе с солдатами гарнизона.

Утром на переговоры прибыли правитель едисанцев и буджаков Джан-Мамбет-бей и новый ногайский сераскир

Шагин-Гирей. В комнату высокого русского посланника, им хорошо знакомого, они вошли порознь. И это не осталось незамеченным Евдокимом Алексеевичем. Он переглянулся со своим секретарем и переводчиком Андреем Дементьевым. По всему разговор предстоит непростой!

– Я рад приветствовать ваше высокопревосходительство, – подчеркнуто официально обратился Шагин-Гирей. – Вы многое сделали для моего народа, да не оставит вас милость Аллаха!

Шагин-Гирей, вкусивший и меда, и яда власти, в двадцать лет назначенный Керим-Гиреем ногайским сераскиром, ныне вновь занимал эту высшую военную должность. Но, судя по его усталому виду и холодному выражению глаз, проблем у ставленника русской императрицы было предостаточно.

А Джан-Мамбет, заметно одряхлевший и морщинистый, напротив, был разговорчив и спокоен. Только больше прежнего щурился – вероятно, слабели глаза. На нем щетинилась, во весь рост, просторная волчья шуба, скрывающая ноги. И хотя в приставстве топили печь, ногаец не снял ни одежды, ни лисьего малахая.

– Я прибыл к вам, достопочтенные вожди, по поручению всемилостивейшей государыни Екатерины Алексеевны. Новые обстоятельства... – Щербинин умолк и проговорил внушительней. – Новые обстоятельства, открывшиеся нам в последнее время, связаны с будущностью дружественных нам орд и всей державы нашей. Мы знакомы давно, многожды

встречались, и я надеюсь, что найдем взаимопонимание.

Джан-Мамбет слушал не шевелясь, как истукан. А сераскир перебирал в руках черные агатовые четки и время от времени поправлял воротник своего верблюжьего кафтана. Он старался выглядеть солидным, но внутренняя тревога не покидала его.

– Прежде всего, я хотел бы выслушать вас, – доверительно произнес Щербинин, поворачиваясь к правителю ногайцев и отдавая ему дань уважения как старшему по возрасту. Шагин обидчиво прищурил глаза. Кровь бросилась ему в лицо. Наследственный хан, очевидно, посчитал себя уязвленным.

– Передай, Евдоким-эфенди, царице, что совсем плохо стало жить ногайцам, – медленно подбирая слова переводчик, ловя сбивчивую речь бея. – Снега очень много, а корма для скота очень мало. Едисанцы и буджаки обеднели и испытывают голод. Нет ни хлеба, ни проса. От хворей много умирает детей и стариков. Мы не можем находиться в степи. Мы хотим переселиться к горам, где для укрытия есть леса. Часть едисанцев ушла за Кубань. На той, турецкой стороне зимуют и другие орды. Турки им дают деньги и привозят продукты. Этого и мы просим у царицы Екатерины. Многие мурзы ропщут и предлагают вернуться в Бессарабию или в Крым. Они считают себя подданными хана и отказываются подчиняться русским.

– В приграничные крепости, откуда ведется торговля с ордами, уже отправлено четыре тысячи четвертей хлеба

и круп. Это не меньше, чем в тот год, когда я впервые приезжал сюда. Нужды едисанцев и буджаков, степных кочевников, нам известны. Вы вольны расселяться по всей территории Правокубанья – от Азова до Еи и далее, на юг. Однако есть одно условие. Вдоль берега Кубани находятся наши пограничные заставы, и скопление людей там недопустимо, – предупредил Щербинин, встречая колючий взгляд бея. – Новые селения необходимо обустраивать на наших землях. Хотя бы временные – на зимние месяцы. Не стану перечислять все выгоды для ваших людей. Мы не намерены диктовать им образ жизни, уважаем вашу волю и выбор. С этой целью и задумала императрица создать Татарскую область, населенную ногайцами и иными племенами. Возглавить ее должен выборный правитель, пользующийся уважением.

– Идея хороша, но препятствий чрезвычайно много, – рассудил Шагин-Гирей. – В прежние годы и ногайские орды, и татары мирно уживались в одном ханстве. Как сераскир я должен признать, что в данный момент между ордами нет согласия.

Джан-Мамбет вспыхнул, поднял свой дребезжащий голосок:

– Достоправный Шагин из рода Гиреев! Аллах свидетель, что ратовал я перед мурзами и царицей русской Екатериной, чтобы стал ты сераскиром... Ты говоришь пустые слова! Ногайцы должны образовать свое ханство! Мы хотим навечно иметь землю, собственную страну. Мы заслуживаем этого

так же, как и достославные татары.

– Мы кровью и мечом завоевали свою землю и по сей день отстаиваем ее! – с пафосом выкрикнул сераскир. – А у ногайских орд, вверенных мне, приверженность к интригам и распрям. Только силой вооруженных отрядов приходится пресекать попытки лукавых мурз переметнуться к османам... Ваше высокопревосходительство, с помощью Аллаха мне удалось договориться с правителями всех орд кроме едичкульцев.

– Об этом мы поговорим отдельно, – остановил сераскира Щербинин, давая понять, что деньги для подкупа этой орды привезены. – Важным вопросом, господа, остается подданство. По словам подполковника Стремоухова, большинство мурз готово стать под скипетр Ее Императорского Величества. Что же до границ будущего ханства, то они будут установлены в пределах нынешних ногайских кочевий и далее, до земель Войска Донского. Но сие станет возможным лишь после присягания орд на вхождение в состав Российской империи.

– Я подтверждаю все клятвенные обещания русской царице в дружественном отношении и почту за счастье стать ее подданным, – заверил старый бей и тяжело вздохнул. – Но как убедить в этом мулл и владельцев, принадлежащих не мне, а Аллаху?

– Мы гарантируем свободу вероисповедания и поддержку магометанскому духовенству, – заверил русский генерал. –

В империи живут тысячи приверженцев ислама. Я получил известие из Моздока, что переговоры астраханского губернатора Кречетникова с осетинской депутацией завершились соглашением о принятии осетинцами российского подданства и добровольном переселении желающих на равнинные земли. Ранее такое же решение приняли карабулаки и ингуши.

– Мы привыкли к полной независимости, – возразил Шагин-Гирей, кладя четки на стол. – Россия и Порта дали Крыму самостоятельность. И если орды войдут в империю Екатерины, это будет нарушением прежних договоренностей.

– Ее Императорское Величество надеется, что ногайцы примут подданство без нашего участия, – откровенно сказал Щербинин, начиная раздражаться от затянутости переговоров. Пора было метать козырь!

– В России надеются, что при вашей мудрой поддержке, Джан-Мамбет, титул хана ногайского народа будет предложен единственно достойному, который пользуется среди орд признанием. И это – досточтимый Шагин-Гирей!

Сераскир, внешне оставаясь невозмутимым, встал и поклонился посланнику. А Щербинин не спускал глаз с ногайского предводителя.

– Да свершится так по воле Аллаха! – после раздумий согласился бей и провел ладонями по лицу, и следом этот молитвенный жест повторил Шагин-Гирей.

– Ежель ногайцы станут детьми Ее Императорского Ве-

личества, мы значительно увеличим помощь. Прежде всего провиантом и прочими товарами, – пообещал русский генерал. – Но и от вас мы ожидаем верного служения Российской империи!

Затем Щербинин уделил бею еще час для личной аудиенции, во время которой вручил предводителю увесистый мешочек с золотом. А Шагин-Гирею посланник царский передал тридцать пять тысяч целковых для воинственных едичкульцев, запросивших эту сумму.

После этого ханский дофин стал сговорчивей. Он, не жалея слов, клеймил орды за невежество, алчность. И несколько раз повторил, что только военная сила и золото способны удерживать кочевья мурз в покорности.

Евдоким Алексеевич, выслушав сераскира, убедился в его боевом настрое и непомерном самолюбии. Бесспорно, из всех государственных лиц Крымского ханства этот родовой татарин был наиболее трезвомыслящим. Как бы там ни было, но в дальнейшем императрица склонна делать ставку именно на него...

Вояж Щербинина в ногайские кочевья был скоротечен. Бывший измайловец и боевой офицер, глава Слободской губернии, он привык действовать энергично. Тройка лошадей мчала его домой, а курьеры с подробным отчетом еще шибче гнали скакунов в Санкт-Петербург. Там с нетерпением ждал вестей Панин, сторонник создания Ногайского ханства. Отделение Кубани, как полагал он, ослабит крымского ха-

на и усилит позиции империи в Кабарде. Впрочем, эта многообещающая идея объединения ногайских орд не предусматривала строгих сроков реализации. Международная обстановка осложнялась. Франция, Швеция и Австро-Венгрия мирный трактат с османами восприняли как сигнал к общим решительным действиям против Екатерины. В их сторону поглядывала и Пруссия...

Никита Иванович Панин любил сравнивать европейский миропорядок с аптекарскими весами. Равный груз на обеих чашах, кажется, незыблемо удерживает их в статическом положении. Но достаточно лишь мизерной гирьки, чтоб это равновесие нарушить...

4

Исстари велся на Дону казаками промысел, который был не только забавой, но поучительным испытанием и проверкой готовности к службе. В зимние месяцы сбивались станичники в гурты по несколько десятков человек и отправлялись в дальние урочища, на Терек и Медведицу, а то и на Куму-речку полевать зверя – на гульбу, как называли они охоту. Брали с собой ружья и пистолеты, запас пороха и свинца, чеканы, топорики на длинных ручках, нагайки-волкобойки и укороченные пики, именуемые дротиками. Охотники, или гулебщики, добывали зверье с коней, арканили тарпанов, сайгаков и косуль. Если пойманного дикого коника уда-

валось объездить, то желанней боевого гривастого «дружка» для казака и быть не могло! Приземистая, выносливая, буйнонравная, эта лошадка смело бросалась вдогонку за волком, встречу вепрю, а ударами задних ног, случалось, валила на-земь медведицу.

Но с петровской поры, когда государство взяло донцов в узду, казачьи коши гораздо реже отправлялись на вольную потеху. Теперь охоту затевали они неподалеку от куреней и войскового начальства. Сверх того, сами атаманы, приурочив ее к одному из праздников, скликали казаков на Большую охоту. Намечал было войсковой атаман Сулин устроить всеобщую облаву накануне Николы зимнего, но стужа и метели порушили планы. Зато после праздничка погода держалась маломорозная, солнечная.

Леонтий, встав затемна, протопил в курене печь, порубил тушку дрофы, подстреленной на прошлой охоте, и поставил варить. Марфушу, досматривавшую свои девичьи сны, будить не стал. А поднявшейся вместе с ним матери напомнил, что на весь день уезжает на охоту, и попросил положить в суму кругликов и вяленую сулу⁵. Затем вышел на баз, напоил своего Айдана и задал овса. Сарай-денник, крытый камышовой двускатной крышей, был припорошен ночным снегом. Свежая пелена его похрустывала под валеными сапогами. Это был добрый знак – охотиться по свежему следу верней!

⁵ Сула (донск.) – судак.

С зарей к курганам Двух братьев, что в видимости с крайней улицы, съехалось не менее трех сотен казаков. Примерно столько же подтянулось пеших. Оживленные разговоры, хохот будоражили рассветную степь. Однополчане радовались друг другу, перебрасывались шутками да прибаутками. Леонтий разговаривал то с Мишкой Шелеховым, то с Акимовым, то с богатырем Белощекиным. Они не виделись, почитай, с того дня, когда полк прибыл на родину. Но вскоре распорядитель приказал пешим выдвинуться на высоты займища, а доброконным рассредоточиться вдоль Дона, чтобы отрезать отход зверья в камыши и заросли тальника. Ружейникам же и нагаечникам предстояло дать по балкам кругаля и замкнуть сторону степи.

Ремезов с Белощекиным и Касьяном Нартовым пустили лошадей к берегу. За ними последовало еще человек тридцать полельщиков с заткнутыми за пояс, скрученными волкобойками. Сполох копыт растаял в неподвижном морозном воздухе.

Многочисленность, запахи лошадей, отрывистые голоса казаков, бряцание оружием – все это живо напомнило Леонтию полк, походы. И дрогнула душа от присутствия скачущих рядом казаков, от возрастающего азарта и предвкушения охоты! Хотя схватка с хищником непроста и непримирима. Он не способен на подлость, а силен отвагой и хитростью. И это звериное рыцарство казаками всегда почиталось.

Кош гулебщиков, в котором был Леонтий, занял горло-

вину займища. Атаман Сулин и полковники наблюдали за перемещением охотников с кургана. Когда займище было окружено, трехкратный ружейный залп возвестил о начале гона!

Первой двинулась цепь верхоконных со стороны степи. Снег доставал лошадям до колен, не давая разогнаться. Одновременно пешехожие, сужая пространство, спустились с холмов. По низкому небу кочевали гривастые тучи, подстегиваемые ветром. Тень и пятна света бежали по снежному морю. Временами яркие звездочки вспыхивали на серебряных кольцах сбруй. Стоголосый рев охотников возрастал по мере приближения к займищу.

Леонтий с трудом удерживал Айдана, возбужденного шумом и близостью кобыл. На пару с Пантелеем Белощекиным они таились в засаде, на склоне, скрытом кустами шиповника. Поверх лоз открывалась вся ширь займища.

Великая казацкая потеха разгоралась! Стадо зайцев металось между всадниками, нещадно засекающими их нагайками. Вдоль низины, где желтели кулижки камыша и топорщились лозняки, конники гаяли лисиц и кабанов, петляющих туда-сюда, тараном пробивающих препятствия. При виде этого у Леонтияхватило дух!

– Изготовься! Зараз и нам будет развесело! – пробасил Белощекин, поигрывая своим мощным ременным волкобоем, увенчанным тяжелым шаром. Нагайка эта была недлинна, но в ручище Пантелея обретала сокрушительную силу. По

всему Черкасску ведали, что лучше его никто не валит волков. С одного-двух ударов ломал он серому лопатки. И теперь, вглядываясь в пространство между скатами, в испещренную следами снежную гладь, богатырь ожидал появления волков. Их здесь видели дрововозы в первоснежье. Однако из-за дальних деревьев вылетели косули – и попали под дротики и нагайки охотников.

Всего на минуту отвлеклись Леонтий и его приятель, и этого жожаку оказалось достаточно. Машистым бегом, проломив тальники, он провел стаю мимо казаков.

Но тотчас с соседнего поста полохнул ружейный залп. Сизое пороховое облачко повисло на ветках терновника. Запах дыма волнуяще опьянил казаков. Похоже, волки дальше не ушли...

Между тем гайщики, сомкнув строй, завершали гон.

Леонтий, не выдержав, тронул коня, который почему-то стал непослушно пятиться. Какой-то странный желтоватый узор мелькнул сквозь красноватые ветки молодого боярышника. «Никак, рысь?» – ожгла Леонтия догадка, и он, перехватив по-боевому дротик, выкрикнул:

– Рысь! Отбивай от леса!

Белощекин, оказавшись впереди, смахнул со склона. А Леонтий направил коня к распадку камней. Саженой двадцать оставалось до места, где мог быть зверь. И, храня молчание, они, опытные охотники, поняли друг друга, решили атаковать с ходу.

Заскочивший наперёд Белошекин от изумления ахнул, когда его дончак осадисто замедлил бег, остановился и с громким ржанием взвился на дыбки. Непривычная растерянность омрачила лицо бородача. Он заткнул ручку нагайки за пояс, катнув свинцовый шар по земле, и выдернул из переметной сумы чекан. Леонтий, поравнявшись с ним, увидел между колючими зарослями терновника огромную пятнистую кошку. Размером она была с полугодовалого телка. По серебристой лоснящейся шерсти, точно медяки, были рассыпаны охристо-красноватые пятнышки. Бросилась в глаза большая головень этого невиданного прежде зверя, коричневые прижатые уши, широкий, такого же цвета, нос и светлая шея, по которой тянулись тонкие полосы.

– Это барс, – поправил Пантелей и, судорожно глотая слюну, посмотрел на своего напарника. Отчаянный блеск в глазах богатыря ободрил Леонтия.

Могучий зверь, скалясь, присел на задние лапы. Позади него все ближе слышался шум гона, по-младенчески рыдающие голоса раненых зайцев. Барс вздрогнул всем телом, на миг скосил голову на густолесье. Отступить было некуда. Путь остался только вперед!

Леонтий обостренным зрением уловил вымах передних лап барса, его ощеренную клыкастую пасть и взметнувшийся длинный хвост с черными кольцами на кончике. Вероятно, хищник был молод, безогляден и бросился напролом. В тот же миг казаки рванули лошадей навстречу! Пантелей занес

чекан, правя наперерез зверю. А Леонтий, подстегнутый тем бесстрашием, которое овладевает человеком в минуту крайней опасности, понял с ужасающей ясностью, что Белощекин не успеет ему помочь, если этот могучий кот сделает прыжок или ударит лапой. Окаменевшая рука срослась с дротиком, и лишь вскользь выхватывал взгляд, сосредоточенный на звере, острие его старинного оружия...

Перед прыжком барс, пригнувшись к земле, метнулся влево, заставив Айдана стать боком. Следующим движением он бы сомкнул зубы на горле лошади, если бы не разящий, как молния, удар казачьего дротика. Он вошел зверю под грудину наискось и на мгновение заставил отпрянуть. Белощекин в тот же миг изо всей силы опустил чекан на шею барса и вторым ударом заставил его пошатнуться. Леонтий выхватил из ножен шашку. Но она уже не понадобилась. Темная кровь ключом била из зияющей на шее раны. И этот царственный обитатель Кавказа, точно прощаясь, простонав, лег наземь. Жажда жизни заставила его снова встать на лапы. Но тут же, содрогнувшись, он рухнул с торчащим в груди дротиком...

На всеобщем пиру в атаманском правлении войсковой атаман Сулин предложил выпить за лучшего гулебщика, сотника Ремезова. А Леонтий не мог отрешиться от холода, сковавшего грудь. Тоска по Мерджан, непреходящая боль утраты не покидали его. Закружило застолье, но не согрелась душа байками да водкой. Мир стал горестным и пустым без любимой.

Слава охотника-смельчака обернулась для сотника Ремезова новым испытанием. Хотя его полк готовился к походу в Пошехонский край, в Поволжье и на Вологодчину, где разбойничали шайки бунтовщика Васильчихина и недобитых пугачевцев, Леонтий был вызван в войсковое правление с полусотней казаков, отобранных из разных частей.

Семен Никитич Сулин, разгладив бороду и приняв строгий вид, приказал писарю зачитать ордер, поступивший от главнокомандующего всеми иррегулярными войсками империи графа Потемкина. В нем повелевалось: «По получении сего имеет Войсковая канцелярия, набрав из самых лучших и способнейших в оборотах казацкой службы 65 человек, на легких, прочных лошадях отправить в Москву, приказав явиться у меня, стараясь при том, чтобы оные к январю месяцу наступающего года прибыть туда могли. А как оные имеют быть употреблены, в знак ревности и усердия всего войска – при Высочайшем Ея Императорского Величества Дворе, то и не сомневаюсь я, что Войско Донское избранием к тому из имянитых и лучших людей, соответствующих как знанием службы, так и поведением своим, оправдает то непрестанное мое у престола Ея ходатайство, которое я к благополучию его употребляю, а о доставлении им в пути продовольствия предложено от меня господину генерал-майору Потапову».

Казаки слушали писаря, стоя навывтяжку, еще не понимая, что именно на них пал атаманский выбор. Подняв голову,

Сулин безо всяких обиняков объявил:

– По решению войскового Совета и моей волей, братцы-казаки, надлежит примерным поведением и рачительной службою прославить вольный Дон при дворе Ее Императорского Величества. На сборы отвожу в аккурат три дня. Командиром сего почетного сикурса, а лучше сказать эскадрона, я назначаю всем известного полковника Орлова. От оберкоменданта крепости Святого Димитрия Потапова намерен я получил циркуляр о выделении провианта, фуража и прочего довольствия. Распоряжаться этим будет вверенный ему поручик Матзянин. Одним словом, братцы-донцы, с Богом!

Атаман повернулся к своему канцеляристу, сутулому парню из иногородних, и приказал огласить список, включающий офицеров, казаков и денщиков. Он составлен был, согласно чинам, и среди офицеров – пятой оказалась фамилия сотника Ремезова. Леонтий, намеривавшийся с теплом отправиться на поиски Мерджан в Кавказский край, с горечью понял, что план его рушился. Неведомо насколько отправляли донскую команду в Москву, неизвестно, в чем состояла там служба...

5

Рослый, в рыжих подпалинах пойнтер белой стрелой вылетел на поляну из-за строя деревьев и, взворошив лапами слой палой листвы, как вкопанный замер перед Зодичем. По-

луоткрытая пасть и настороженно-воинственная стойка не сулили ничего доброго. Александр, сидевший на высоком пне, крепче взялся за набалдашник своей трости и, прямо глядя собаке в глаза, спросил с усмешкой:

– Чего изволите, сударыня?

В полуоблетевшем ноябрьском лесу голос отдался звучно и раскатисто.

Легавая отряхнулась, сбрасывая с короткой шерсти влагу, и взрыкнула. Несердито, на всякий случай.

– Повторите имя. Я не расслышал, – снова добродушно обратился Александр к собаке, замечая боковым зрением спешащего сюда крепкого сложения мужчину в кожаном плаще, с ружьем через плечо. Под надвинутой на глаза шляпой наполовину скрывалось лицо. По всему, это был буржуа. А возможно, чиновник из правительственного учреждения или конторы. Когда же охотник приблизился, Зодич... узнал королевского сановника и драматурга, которого не видел более полугода. Это было столь неожиданно, что он встал на ноги. Привлекательное лицо Пьера-Огюстена де Бомарше было обезображено двумя, по всему, недавними шрамами на подбородке и на щеке. Но выглядел он, по обыкновению, энергичным и уверенным. На ремне, маяча буровато-серыми окоченелыми крыльями, висел подбитый вальдшнеп.

– Вы не пострадали, сударь? – подойдя, встревоженно осведомился охотник. – Как уверял хозяин, у которого я одолжил ее, Ланда не кусается.

– Всё обошлось, мсье Бомарше. Я лишь предложил красотке познакомиться. Но она махнула на это хвостом!

Проницательные глаза знаменитости тронула улыбка. На мгновение задумавшись, припоминая, где он мог встречаться с этим господином, Бомарше обрадованно воскликнул:

– Простите, барон, не признал вас сразу! Конечно же это вы с моим другом... Верней, с нашим общим другом, Гюде-ном, сообщили мне о вердикте Высшего суда.

– Да, мы не отлучались тогда из Дома правосудия до самого вечера, пока не узнали решения, и поспешили к почтенному Фаншону. Каково же было наше удивление, когда мы застали вас спящим. Таким самообладанием можно только восхищаться! Вы, как я слышал, покидали Париж?

– Я был вынужден отлучиться во Фландрию, чтобы избежать посмешища.

– Провидение накажет клеветников и продажных судей, лишивших вас гражданских прав!

– Я не думаю о них, – возразил Бомарше, поправляя левой рукой ремень тяжелого ружья. – Всячески прилагаю усилия, чтобы имя мое было реабилитировано королем. – Он умолк и, поморщившись, покрутил кистью руки. У основания большого пальца также краснел шрам. – Побаливает, черт подери. Памятка о встрече с немецкими разбойниками.

– Вы подверглись нападению?

– Да, произошло это в нейштадтском лесу. Трое злоумышленников пытались меня прикончить. Я вскинул пи-

столет, но тот дал осечку. Рука убийцы направила свой нож мне в сердце. И если бы не медальон, висевший на груди, я наверняка бы отправился к праотцам. Досадное злоключение... Вы по-прежнему, барон, играете? Помнится, мы как-то встречались за карточным столом.

– Я также был за границей и давно не навещал Гюдена, – уклончиво ответил Зодич и сменил тему разговора. – Я слышал о вашем проекте по восстановлению парламента, распущенного королем. Это может изменить политическую систему в стране?

– Именно об этом я заботился. Однако Морепа и Миромениль, наши главные министры, выхолостили документ. Тот эдикт, который подписал король, доверясь своим советникам, ничего не может вызвать, кроме разочарования. Признаться, я не так часто покидаю дом. Угроза ареста не минула. Жаль, что могу охотиться в Булонском лесу, лишенном дичи, а не в своем собственном, в Шинонском.

– Меткий выстрел, мсье Бомарше, приносит удачу в любом месте. А вы, как вижу, с добычей?

– Случайно поднял птичку у ручья. А стрелок, честно говоря, я неважный. Да и раненая летом рука слаба. Однако ружьишко – отменное. Привез из Лондона. Бьет довольно кучно, – драматург озабоченно понизил голос: – Впрочем, погода меняется. И холодно, и смеркается. Я с утра на ногах, а пальнул, представьте, всего раз. Зато налюбовался лесом! Вы любите эту пору?

– В общем-то, да. Дожди кончились. И мир как будто внове. Особенно этот предзимний воздух, отдающий грибной сыростью и дубовой корой. И подбор разноцветных листьев удивителен! Посмотрите на макушку платана, она точно освещена луной.

– У вас, барон, взгляд художника. Это интересно! Вы намерены еще остаться?

– Нет, нет. Я изрядно прогулялся. Позвольте предложить вам место в фиакре.

– Большое спасибо, меня ждет экипаж. Вы бываете в Версале? Я не большой любитель балов. А хотелось бы познакомиться с вами ближе. Хотя времени катастрофически не хватает! – с сожалением промолвил драматург, сворачивая на боковую тропу. – Прощайте, барон. Пусть бог будет милостив к вам!

– До свиданья, мсье Бомарше! Кланяйтесь Гюдену...

В районе Монмартра, где жил Александр, было сумеречно, знобил разгулявшийся ветер. Лабиринт безлюдных улиц и цоконье подков навевали одинокую грусть. «Сейчас бы в нашу псковскую усадьбу, к матушке! – вздохнул Зодич, прикрыв глаза. – И быть просто Сашкой, как звал меня погибший отец, а не придуманным бароном Клодом де Верденом. И свободно говорить и петь по-русски!» Он вдруг поймал себя на мысли, что судьба складывалась таким образом, что ему было предопределено стать конфидендом, чьи донесения читала сама императрица. Живя то в Петербурге, то

в сельском отцовском имении, он с детства воспитывался гувернером-французом. Мать, Ганна Юзефовна, малоросска со шляхетскими корнями, научила Александра и родному языку, и польскому. Два года провел он в Московском университете, штудирова философию и лингвистику. Но волею отца-майора был из него отозван и определен на службу в Измайловский полк, в котором числился с рождения. Там же служил и сам батюшка, Георгий Федорович. Выполнив однажды его деликатное поручение в угоду Григория Орлова, молодой офицер, блестяще говоривший по-французски, был замечен фаворитом императрицы и рекомендован в тайную комиссию. Через год Зодич с поддельными документами (существование рода де Верденов, бесследно канувшего в конце семнадцатого столетия, не было лишено реальной основы) тайно прибыл в Тулузу, где прожил год, выдавая себя за парижанина, а затем перебрался в Авиньон. Именно в окрестностях этого городка и находилось поместье мнимых предков. Подробно расспросив старожилов, изучив архивы католической церкви, хранившей документы прошлого века, Александр мог чувствовать себя в относительной безопасности. Более того, всемогущие луидоры, заплаченные нотариусу, совершили чудо: на свободной строке в пожелтевшем от времени фолианте появилась запись, из которой следовало, что умерший более двадцати лет назад барон де Верден завещал свое поместье племяннику Клоду. Чиновник столь умело разбавил чернила и подделал почерк, что

ни один королевский следователь не заподозрил бы подлога. Вскоре Александр поселился в Париже, чтобы познакомиться с приближенными короля и прослыть сторонником польских конфидератов, наводнивших столицу враждебного России государства. Деятельность Зодича, его финансовые расходы из российской казны корректировали посланник Голицын, а затем сменивший его Иван Сергеевич Барятинский. Александру удалось попасть в Версаль, установить дружеские отношения со многими влиятельными персонами при суверене Людовике Пятнадцатом, скончавшемся в мае этого года. А теперь начался новый этап освоения Версаля, откуда с надеждой ждали от него на родине сообщений, способных изменить ход истории...

Слуга Пьер, раскинув руки, храпел в прихожей на скамье. Раздосадованный тем, что неисправимый ловелас, видимо, гулявший предыдущую ночь, на звук колокольчика не вышел к фиакру, Зодич разбудил его окриком и велел приготовить чай. Чернокудрый бургундец, подскочив и ошалело тараща глаза, юркнул на кухню.

Александр подошел к окну и, к удивлению, обнаружил, что в пролете сумеречной улочки роятся снежинки. Приближалось Рождество. Впрочем, зима в Париже недолгая, слякотная. Слава богу, что хоть изредка выпадает снег! Он всегда поднимал в нем дух, напоминая о смоленской стороне.

«Господи, восьмой год я в отрыве от дома! – вспомнилось вдруг с необоримой тоской. – И эта странная раздвоенная

жизнь стала столь привычной, что иной даже не представляется. Порою мнится, что вокруг – какая-то греза, нудная игра, из которой не могу выпутаться. Где чужое, где дорогое сердцу, зачастую – не понять! Живу точно по инерции, привыкнув рисковать и одинаково легко расставаться с теми, кто враждебен и кто близок. Да и родной язык, несмотря на встречи с дипломатами, стал уже забываться. Боже праведный, пошли удачу и терпения!»

В ящике письменного стола таилось зашифрованное предписание от русского посланника в Париже князя Барятинского. Зодич должен был выехать в Варшаву и по возможности сблизиться с конфидератами и прочими оппозиционерами короля Станислава-Августа. Это поручение его взволновало! Та женщина, которую он повстречал в Венеции и которая спасла ему жизнь, заслонив собою дуло пистолета, могла там оказаться. Невольная вина в том, что был вынужден оставить ее у врача в тяжелом состоянии, тлела в душе. И по сей день Александр ничего не знал о ее дальнейшей участи. Верилось все же, что она жива. И, возможно, отыщет ее в Польше...

Китайский чай, заваренный слугой, оказался на диво ароматным и бодрящим. Пять свечей, горевших в шандале, ярко озаряли стол и книжный шкаф сбоку от него. Зодич достал из выдвижного ящика толстую тетрадь, где вкратце делал записи. Предстоящая поездка в Польшу, по всему, будет продолжительной. Необходимо было обновить в памяти всё,

что пришлось пережить с весны, после того как узнал о кончине бывшего короля. По прошествии времени многое, что пережил, воспринимаешь по-иному, точно наблюдал это со стороны...

6

Поздней венской ночью середины мая Зодич, одетый простолудином, вошел во дворец Селмура через потайной ход. Охранники русского посольства, услышав в ответ условленные слова, пропустили его беспрепятственно. В такой час, как им хорошо было известно, приезжают только по самым неотложным вопросам. И действительно, спустя полчаса посетитель был допущен в кабинет посла Голицына.

Дмитрий Михайлович, без парика, с наспех причесанными прядями поредевших волос, пытливо вглядывался в парижского агента, пока этот черноглазый красавец, с широким развалом плеч, шагал по ковровой дорожке к его столу. Породистое бритое лицо, отмеченное коротким шрамом (вспомнился рубец от сабельного удара на щеке у графа Орлова-Чесменского), выражало крайнюю утомленность. И, машинально ответив на приветствие, Голицын с нетерпением спросил:

– Что стряслось? Почему вы здесь?

– Вынужден был приехать к вам. Версальский двор, ваше высокопревосходительство, взбудоражен. Король Людо-

вик XV при смерти. В замке Трианон он заразился оспой от любовницы, которая уже скончалась. Король потерял голос, временами впадает в беспамятство. Ни кровопускания, ни прочие средства не приносят ему облегчения. Дни монарха, как явствует из записки дофины Марии-Антуанетты, сочтены. К нему не допускают никого, кроме фаворитки мадам дю Барри.

Посол вышел из-за просторного, украшенного позолотой и орнаментом стола взволнованно уточнил:

– Когда вы покинули двор?

– Шесть дней назад. Мы до Зальцбурга ехали верхом, несколько раз меняя лошадей, а там я купил экипаж.

– Благодарю за службу. Франция на пороге перемен, настал час интриг и дипломатии. А здесь, как ни странно, еще ничего неизвестно. Вчера в Шенбруннском дворце я имел продолжительный разговор с канцлером Кауницем, и... Полное молчание! А, быть может, утаил, старый лис. В любом случае ваша новость имеет большую ценность.

– Известно также, что австрийский резидент и опекун дофины граф де Мерси поселился в Версале и, вероятнее всего, готовит Марию-Антуанетту к миссии королевы.

Голицын в волнении подошел к окну и, потянув витой шнур, отодвинул портьеру. В открытую форточку плеснуло холодком и ароматом доцветающей сирени. В широкие пролеты стекол было видно над чертой темных крыш убывающую луну, мелкие, вроде гардинок, облака. Ночь венская бы-

ла глубока, таинственна.

– Что ж, рано или поздно это бы произошло, – после раздумья заключил Голицын. – Людовик в преклонных летах. Образ жизни короля, его распутство имели огласку широкую. Никогда не испытывал он дружелюбия к России. Сверх того, интриги его недальновидных министров более всего вредили нам в последнее десятилетие... Жаль, Мария-Антуанетта так молода. Но, будучи дочерью Марии-Терезии, она наверняка будет налаживать союз с Австрией, и это, без сомнений, нам на руку. Перспектива мира с Портой реальна.

– Но коли Шуазёль, приятель дофина, будет возвращен ко двору, надежды на улучшение наших отношений с Францией сомнительны. Старик вновь ополчится против России.

– Вы правы, Зодич. Но мы не знаем с точностью, жив нынешний король или уже отдал богу душу, – рассудил Голицын. – Подготовьте донесение – и немедленно возвращайтесь. За время, проведенное вами в дороге, многое могло измениться. Однако почему вы не направили ко мне вашего курьера? Или есть что-то еще?

– Точно так, ваше высокопревосходительство. Удалось открыть заговорщиков против графа Орлова.

– И кто же они? – Дмитрий Михайлович вернулся за стол и, чтобы перебороть сонливость, взял щепотку табака.

– Люди виленского воеводы Карла Радзивилла. Мой конфиденгент сообщил имена, хотя теперь они наверняка имеют фальшивые паспорта. Это Ян Ярошевский, сын краковского

магната, и Ядвига Браницкая, из рода небезызвестного гетмана. Злоумышленники выехали из Парижа на три дня раньше меня, и я вынужден преследовать их на пути в Венецию. К сожалению, оба они мне не знакомы.

– Вам немного удалось, – упрекнул Голицын и взял в руку звонок, чтобы вызвать дежурного. – Уже далеко за полночь. Вы, очевидно, голодны? Оставайтесь пока у меня. А днем обсудим план действий. Возможно, названные особы есть в тайном архиве посольства. Что известно об их внешности?

Сведения были скудны. Единственной зацепкой было то, что Браницкая – одна из самых красивых женщин Европы.

– Увы, грустная закономерность, – полушутя обронил посол. – Чем дама прекрасней, тем больше соблазн. От этого, пожалуй, многие красавицы превращаются в куртизанок.

– Последний год, ваше высокопревосходительство, в Париже обрела известность мадам Али Эметте, женщина также привлекательная. Она смугла, похожа на креолку, говорит на нескольких языках, в том числе на русском. В любовницах некоторое время была у Огинского, польского офицера. Сейчас она в Германии, в имении князя Лимбурга, который, по всему, собирается жениться на ней. Я не стал бы говорить о сей любительнице приключений, ежели бы не пущенный кем-то слух, что она якобы... дочь императрицы Елизаветы Петровны от графа Разумовского и, являясь княжной всея Руси, претендует на царствование!

– То есть ваша дальняя родственница?

– Этим бредням, разумеется, мы даем отпор, да никто особенно и не верит в них. Но, смею полагать, надлежит наблюдать за мадам, готовой на любую авантюру.

– Напишите свою реляцию. И отдыхайте, мой друг. Утро вечера мудренее. Ауф видерзеен!⁶

Утром один курьер погнал лошадей в Петербург, а другой в Ливорно, где была резиденция Орлова-Чесменского. Всю ночь, не смыкая глаз, Дмитрий Михайлович писал подробный рапорт императрице, в котором сообщал не только о нездоровье французского короля, но и делал предположения касательно возможной ситуации в Европе с восшествием на престол внука Людовика XV. В депеше главнокомандующему в Архипелаге известил о заговорщиках и о возможном местонахождении их в Италии.

А Зодич проспал мертвецки до полудня. Разбудила его перекличка синиц за открытым окном. Он вспомнил с тревогой, где находится, и вскочил, ругая себя за то, что слишком много времени потратил на сон. Александр, потребовав у слуги чернил и бумагу, составил на имя посла подробное донесение.

Позже состоялась их встреча.

– Что вы намерены предпринять? – поинтересовался Голицын, просмотрев отчет агента. – В нашей картотеке оные лица не обозначены.

⁶ До свидания! (нем.)

– Вернусь в гостиницу, а после полудня навещу пана Манульского, конфедерата, богатого землевладельца. У него здесь свой дом. Возможно, он имеет связи с теми, кого разыскиваем.

– Достаточно ли у вас средств для задуманного предприятия? Я буду ходатайствовать об увеличении выделяемой вам годовой суммы.

– Покорно благодарю. В финансах я покамест не стеснен.

– Желаю божьей помощи. Не забывайте, чья жизнь в опасности. Граф Орлов-Чесменский – великий сын России. Действуйте!

И без того напряженную дипломатическую работу усложнили новости из Парижа, как если бы у играющих за столом кто-то перетасовал карты. Голицын с тревогой отметил, сколь непредсказуем этот год: смена фаворита в Петербурге, бунт Пугачева, моровая язва, уносящая тысячи жизней в Европе, новый султан в Порте и как следствие – оживление военных действий на Дунае, обострение отношений со Швецией, самозванка с претензией на русский престол и, наконец, предстоящее обновление в Версале. И всё это ему, русскому посланнику, необходимо учитывать, разгадывать, осмысливать. Слова и действия государей зачастую не совпадали. И в первую очередь необходимо было выяснить дальнейшие планы австрийского императора Иосифа и его матери, чтобы государыня Екатерина могла принимать решения, несущие России пользу и долговременную выгоду. Он всегда

помнил о родной стране. Вне этой службы Отечеству Голицын не представлял своего существования...

В затрапезном платье, в котором его можно было принять за венского бедняка, Зодич окольными улочками добрался до гостиницы. Пьер, расторопный и смысленый бургундец, посвященный в секретную миссию, не маялся без дела, а успел вычистить и накормить лошадей, отгладить выходной костюм хозяина и даже познакомиться с горничной, белобрысой девкой, сразив ее комплиментами. Эта Габриэлла, к счастью, владела французским и, будучи разговорчивой от природы, выложила чернокудрому ухажеру всё, что знала о постояльцах. Оказалось, что вчера ночевала у них некая супружеская пара, направляющаяся в Италию. И, по словам ее, дама, скрывавшая лицо под вуалью, говорила со своим господином по-польски.

– Молодец, – похвалил Александр слугу, неукротимого бабника. – Их имена я постараюсь узнать сам.

Хозяйка гостиницы, подувядшая дама лет сорока, ничуть не оттаяла сердцем при виде красивого и изящно одетого парижанина. Выяснив, что он ищет среди поляков знакомых, она почему-то с подозрением посмотрела на него и лишь за деньги согласилась назвать постояльцев, которые накануне проживали в ее заведении.

Дворец Манульского, построенный в венецианском стиле, долго искать не пришлось. Он располагался в восточной части Вены, вблизи площади Святого Стефания. Придвер-

ный лакей, наряженный в национальный польский костюм, услышав родную речь, с таким рвением бросился докладывать о прибывшем госте, что сломал каблук.

Пан, пожилой рыжеволосый толстяк, страдающий сердечной жабой, принял визитера в маленькой комнатке, рядом с вестибюлем. Одет он был по-домашнему, в архалуке и мягких сапожках, и, судя по блеску в глазах, находился подшофе. И, как уловил Александр, от одежды его исходил запах женских духов. Уж не прервано ли любовное свидание?

– Рад видеть вас, уважаемый мсье Верден. Что-то зачистили в Вену парижане, – зашелся тирадой хозяин, пожимая руку. – И превосходно, чудесно. Надобно чаще встречаться и поддерживать друг друга, как это принято у иудеев... А вас я, милейший Клод, уважаю больше других за то, что поддерживаете нашу борьбу с захватчиками. К тому же помогаете сплотить эмигрантские круги против России. Пся крев!

Слуга вскоре явился с вином и закусками. Они подняли бокалы за процветание Польши. И хозяин вновь пустился в разглагольствование о борьбе конфедерации против русской армии, о привлечении добровольцев из других стран, чтобы очистить польскую землю от врагов и вернуть славу Речи Посполитой. Но чем больше говорил Манульский, тем ясней ощущал Зодич его фальшивый пафос. Затягивать встречу не имело смысла. Александр, улыбнувшись, прервал блудливый монолог хозяина:

– В здешней гостинице, пан Тадеуш, я, к сожалению, не

застал чету Сикорских. Пока ехал через Тироль, лошади выбились из сил. Не знакомы ли вы с ними?

В глазах Манульского промелькнула тревога.

– Наших немало в Австрии, – уклончиво проговорил хозяин, и Зодич интуитивно почувствовал, что толстяк знает Сикорских. Не они ли и есть агенты пане Коханку?

Зодич сказал с двусмысленной усмешкой:

– Надеюсь, они благополучно доберутся до места. Погода чудесная. И в Венеции не отменят карнавал.

Набрякшие красные глаза хозяина выпучились, он взволнованно и сбивчиво бросил:

– Я не совсем понимаю, о чем вы, мсье. Но в любом случае не стоит впустую болтать о польских патриотах. Мы сильны католической верой и единством! Нас не сломят никакие лишения. Выпьем за это! Пся крев!

«Очень похоже, что это они! – утвердился Зодич в своем предположении. – Почему пан так разволновался? Не доверяет мне? Похоже, покушение на Орлова готовится основательно».

– Нет, я уже пьян, – засмеялся гость и, всем видом показывая благодушие, поднялся. – Отложим ваш реванш до следующего раза. Карты, как известно, требуют ясности ума.

Брошенное вскользь напоминание о крупной сумме, проигранной этому французу полгода назад, вздернуло Манульского. Самолюбие пана взыграло, он высокомерно вскинул голову.

– Отчего же, я всегда готов к услугам.

– Не сомневаюсь! Но... Вынужден, пан, вас покинуть.

– Слушайте, Клод, я не совсем понял ваши намеки о карнавале. О чем вы, собственно, хотели сказать?

– О чем вы спрашиваете, пан Тадеуш? – вопросом на вопрос отозвался Александр, замечая, что из-за двери кто-то подглядывает.

– Вы странный человек, мсье Верден. Говорите какими-то загадками, – посетовал, следуя за гостем, Манульский и вдруг остановился. – Я хочу сделать вам подарок. Отменное охотничье ружьецо. Извольте подождать.

Толстяк проворно нырнул в боковую дверь. И спустя минуту впереди него в комнатенку втиснулись два рослых слуги.

– Взять шпиона! – завопил Манульский. – В подвал его!

Зодич кулаком сбил на пол немолодого рыжего поляка, метнулся по лестнице на второй этаж. С разбегу ступил на подоконник открытого окна и прыгнул вниз. Цветник смягчил удар о землю. Александр перемахнул через решетчатый забор и бросился по улочке к дому, где ждал его экипаж. Пьер, увидев хозяина, выхватил пистолет и пальнул в сторону двorca. И только убедившись, что недруги не преследуют мсье и он цел и невредим, лихой бургундец взбодрил лошадей кнутом...

Следующая запись была сделана Зодичем два месяца спустя...

До первого после Великого поста карнавала оставалось всего несколько суток, и с каждым часом на улицах и площадях, на фасадах домов прибавлялось разноцветных гирлянд и фонариков, чаще слышалась разноплеменная речь гостей, съезжавшихся со всей Европы. Зодич уже неделю находился в Венеции, познакомился со многими здешними людьми, владельцами домов и уличными музыкантами, офицерами и купцами, постоянно бывал на пристани и в кафе, разыскивая Сикорских. Но никто о них не слыхивал. Это, однако, ничуть не поколебало его уверенности в том, что диверсия против русского главнокомандующего намечена на период карнавала.

Он добился аудиенции у Орлова-Чесменского, но его предостережения как будто растворились в воздухе. Генерал-аншеф отнесся к угрозе с легкой насмешкой, возразив, что, во-первых, любит потехи уличных комедиантов, а во-вторых, отказаться от приглашения дожа посетить праздник республики, увы, не позволяет дипломатический этикет. Более сговорчивым, к счастью, оказался генеральский адъютант Христинек, заверивший, что на карнавале ни на шаг не отойдет от командира, который, кстати, будет в костюме

пирата и маске с длинным носом. Условились они и о том, в каких нарядах будут сами.

На Большом канале, у старинного моста Риальто, Александр снял гондолу и велел крепкому черноволосому парню плыть к Пьяцетте. Оживление предстоящего праздника угадывалась повсеместно. Вопреки запрету, еще до начала гулянья во встречающих гондолах многие венецианцы и венецианки были в масках. Беззаботный громкий хохот и песни разносились по гулким улочкам из открытых окон верхних этажей и веранд. Развеселая музыка оркестриков не умолкала на набережной вблизи Пьяцетты и в других местах.

Зодич, откинувшись на спинку кожаной скамьи, любовался мраморными дворцами и массивными каменными зданиями, которые изумляли не только архитектурой и цветом, разнообразием стилей, но, отражаясь в подернутой зыбью воде, создавали неповторимое ощущение, что выросли из глубины! Он не мог оторвать взгляда от барочной церкви дельи Скальци, от красно-белого строения Турецкого подворья, с двухэтажной колоннадой, с арками, с башенками по краям. С восторгом осматривал дворец Редзониго, с галереями и балкончиками, украшенными цветами, особняк Якопо Корнера, фасад которого состоял из просторных венецианских окон, а торец увит плющом и виноградными лозами. Вечереющее небо бросало на поверхность канала бронзовый отблеск, и панорама Большого канала впереди, с белостенными и темными зданиями, с лабиринтом разновеликих

крыш, с плывущими гондолами и суденышками, с пляшущими мелкими волнами у ног, — всё это великолепие, на протяжении веков создававшееся человеческим гением, потрясло Александра. И тем тревожней были вернувшиеся к нему мысли о диверсантах, след которых не удавалось отыскать.

Гондольер, приняв монеты, помог ему ступить на берег, запруженный народом. Карнавал откроется именно здесь, на площади Святого Марка, в присутствии правящего дожа Альвизе Мочениго и высоких заграничных гостей. А началом его будет считаться та минута, когда циркачка на канате, подвешенном к колокольне, пролетит над толпой и осыплет ее конфетти. И сейчас, пройдя мимо красной гранитной колонны и очутившись на площади, он заметил, как на смотровой галерейке колокольни возились смельчаки, готовя опасный трюк. Крики и громкий говор собравшихся на площади не отпугивали голубей, то и дело летающих с длинных крыш Дворца дожей и тюрьмы на мостовую. Следя за ними, Александр поднял голову и увидел на втором этаже прокуратурии господина в широкополой шляпе, с лицом, обрамленным рыжими бакенбардами. Внешность этого человека показалась Зодичу примечательной. Он остановился и, наблюдая за странным господином, стал перебирать в памяти всех, с кем когда-либо знакомился. Нет, пожалуй, он видел его впервые.

Зодич, лавируя в толпе, пробрался в конец площади, к дощатой сцене. Но опоздал. Публика, наградив комедиантов

аплодисментами и одобрительным свистом, уже расходилась. Традиционные персонажи спрятались за светлым матерчатым занавесом, расписанным под лес. Однако двое молодых зрителей в форме матросов задержались.

– У меня достаточно дукатов, чтобы купить ее на ночь, – хвастливо выкрикивал один, большеголовый и смуглый, как алжирец. – За такую женщину я готов отдать все свое жалованье и каравеллу в придачу!

– Да, она стоит этого. Но откуда у тебя каравелла, Джузеппе? – захохотал приятель, крепыш с длинными ручищами. – Ты пропил сегодня запасную пару башмаков. И наш хозяин будет страшно сердит на тебя за это и наверняка вычтет за них.

– Я никогда не видел такой хорошенькой Изабеллы!⁷ Не зря мы поверили капитану, знатоку женщин, и пришли сюда. Я хочу сейчас же познакомиться с красоткой! А если я сказал, дорогой Альберто, то так и сделаю, дьявол меня побери! – ожесточился «алжирец» и, покачиваясь, обогнул помост и скрылся за кулисами. Вскоре оттуда послышался разговор, сменившийся перепалкой, – сначала между женщиной и Джузеппе, а после между ним и неким мужчиной. Знакомство матроса с артисткой, похоже, приобретало скандальный оборот. Вдруг столбик, на котором был укреплен занавес, с треском рухнул, и с помоста слетел комедиант в костюме Панталоне. Александр увидел Джузеппе с разъярен-

⁷ Изабелла – персонаж итальянского театра комедии, молодая влюбленная.

ной физиономией, перепуганных комедиантов и ту, которой восхищались гуляки. Молодая женщина, с длинными светлыми локонами, еще не успевшая снять грим, и в гневе была необыкновенно хороша.

– Ты пойдешь со мной, кукла! Сегодня ты будешь моей, – требовал матрос, хватая ее за плечо. Артистка успела уклониться и стукнула его сжатым кулачком в грудь. Сопротивление лишь раздражило Джузеппе. Он пьяно усмехнулся и за рукав потащил упрямыцу за собой. Зодич шагнул к помосту, но его опередил тот самый мужчина в широкополой шляпе, что сверху наблюдал за площадью. Мастерским ударом в челюсть он отбросил Джузеппе. Нахал попытился, едва переставляя ноги. Дружок бросился ему на помощь. По всему, этот матрос был чертовски силен. Орудя кулаками, он обрушился на защитника Изабеллы. По лицу господина потекла кровь, и Александру пришлось поспешить. Правая сабельная рука его, безо всякого оружия, с одного раза сокрушила верзилу.

Поверженные матросы, посылая ругательства, удалились. И Зодич предстал перед трупной комедии дель арте. Повременив, пока Изабелла вытрет с его лица кровь, незнакомец благодарно произнес:

– Так поступить, уважаемый синьор, мог только истинный мужчина. Не зная никого из нас, вы вступились за женщину. Примите мою глубочайшую признательность.

– Матка боска помогла нам... – сбивчиво заговорила ар-

тистка с расплывшейся краской на веках. – Вы – благородный человек. Я присоединяюсь к словам директора!

«Директора? Почему же он наблюдал издалека? Изучал площадь?» – удивленно подумал Зодич.

Красавица улыбнулась, и в больших синих глазах ее Александр уловил ласковый огонёк.

– Надеюсь, синьор, мы сойдемся с вами ближе, – прибавила она, слегка покраснев.

Но директор перебил ее, выказывая раздражение.

– С кем имею честь знакомиться?

– Клод Верден, барон.

– Пан Сикорский. Польский эмигрант, цирковой стрелок и устроитель комедийных представлений. А это моя жена Люция.

Зодич краем глаза заметил, что артистка иронично усмехнулась. Вышла заминка. Сикорский понял затянувшееся молчание по-своему:

– Портреты Люции писали знаменитые художники. Но то было давно, когда мы жили в свободной Польше. Но час настанет, и мы вернемся домой. И оставим это несвойственное нам занятие смешить людей. Поляки не созданы для унижений. Впрочем... Вы на карнавал, мсье Клод?

– Да, мне давно хотелось побывать здесь.

– Осталось всего два дня. Я приглашаю вас на представление. У нас есть чудесная придумка. Не так ли, Люция?

– Мне было бы приятно видеть вас, мсье, – призналась

актриса, пристально взглянув на «рыцаря». – Однако, если вам не нравится комедия, не смею вас неволить.

– Напротив! Во Франции есть свой театр комедии. Наша жизнь столь сурова, что душа требует забвения и веселья. В гостинице «Палаццо Белла», где я остановился, ночи напролет пируют купцы и матросы, и мне это нравится. Счастливый человек не станет воевать или... убивать.

Сикорский пожал плечами и с излишней бравадой заметил:

– Первая заповедь Христа для людей верующих. Дело освобождения родной земли требует борьбы, вооруженной борьбы. Так что, мсье Клод, согласен с вами. Несчастный человек, как я, готов на все. Однако не лучше ли знакомство подкрепить винцом? Я хочу угостить вас!

– Покорно благодарю. Но, к сожалению, у меня запланирована встреча. В другой раз не премину воспользоваться вашей любезностью, пан Сикорский.

Александр прощально кивнул, ловя напоследок пытливым взгляд прекрасной польки.

8

Зодич той же ночью в Ливорно встретился с Христинеком и доложил ему о знакомстве с Сикорскими. Вдвоем они направились к начальнику охраны главнокомандующего капитану Тарасову, который предложил тайным образом аре-

ствовать злоумышленников и вывезти морем в Петропавловскую крепость. Его слова сначала показались Александру верными. Но одни ли Сикорские могут участвовать в покушении? Да и не было уверенности в том, что это Ярошевский и Браницкая, аристократы, снизошедшие до положения шутов, чтобы участвовать в диверсии. Зодич упорно искал выход. Необходимо встретиться с комедиантами еще раз и выяснить, кто они на самом деле. Приглашение «пана директора» на спектакль в день открытия карнавала вовсе не гарантирует, что они будут в нем задействованы. А кто же исполнит диверсию? И мудреные загадки, и тревожные мысли нагромождались, мелькая, как в калейдоскопе...

За день до открытия карнавала хозяин гостиницы передал Зодичу записку, которую, по его словам, принесли из приятного дома. На листочке по-французски значилось: «Жду вас в полдень в траттории Вилосо. Люция». Это была или западня (мог предупредить Манульский), или...

Полька опоздала на полчаса. В тратторию она вошла вместе с толстой провожатой, таранящей всех, кто попадался на пути. Лицо актрисы скрывала вуаль, но Александр сразу узнал ее по высокой стройной фигуре. Извинившись, что задержалась, пани открыла лицо и опустилась на стул. Взгляд ее был ироничен и смел. Заговорила красавица по-французски:

– Мое время ограничено. За мной следят. Очевидно, вы не помните меня, Александр?

Зодич с недоумением улыбнулся, глядя в лицо актрисы, но ответить не успел.

— Мы с отцом приезжали к вам в Петербург. Он и ваша матушка Ганна были родственниками, кажется, в третьем колене. Тогда я была девочкой и влюбилась в вас, молоденького офицера. Вы удивлены? Так, пан? Впрочем, об этом никто не знает, кроме меня. Вчера вас дважды выдал польский акцент. У меня абсолютный слух. Так что... Зовите меня, как прежде, Ядвигой.

Зодич выжидающе улыбался, поглядывая на дверь и ожидая внезапного нападения. Слова этой загадочной женщины ошеломили его, человека опытного и бесстрашного. Впрочем, колебался конфидендент недолго.

— Да, вы правы. Меня зовут Александром, и я русский офицер. Но совершенно не помню тех дней, когда вы приезжали к нам...

— В вас, пан, течет шляхетская кровь! — вскрикнула полька. — А служите нашим врагам... Об этом мы узнали от пана Манульского, который прибыл вчера. Вас хотят прикончить! Но это — безумство... Я не могла не предупредить! — Ядвига опустила вуаль и поднялась. — Возможно, я прокляну себя за этот приход... Для меня ничего нет дороже Польши!

— Ответьте, пани, только на один вопрос! — воскликнул Зодич, поспешно встав. — Ярошевский ваш муж?

На сей раз от неожиданности замерла Ядвига и, помедлив, произнесла с вызовом:

– Мужчине-рыцарю не подобает быть столь любопытным... Не провожайте!

Порывистой и легкой походкой она выскользнула за дверь. Зодич перевел взгляд на два чудесных бокала синего муранского стекла, полные вина, и с усмешкой вздохнул. Пожалуй, приход Ядвиги был действительно тайным...

Тот, кто впервые попадал на Венецианский карнавал, утрачивал на время обычное представление о мире, оказываясь в эпицентре этого феерического зрелища. Вместо людей город наполнялся неведомыми существами, облаченными в «баутту» – черно-белый наряд, состоящий из светлой атласной маски, черного плаща, вуали, шляпы с серебряными галунами, блестящих туфель и белых шелковых чулок. Одним этим одеянием празднующие не ограничивались. Экстравагантные костюмы потрясали воображение и венецианцев, склонных к изобретательности, и многочисленных гостей. Но сильнее всего поражала свобода в отношениях между костюмированными участниками карнавала. Каждый делал то, чего ему хотелось. Не было предела ни в чревоугодии, ни в любовных утехах, ни в пирушках! Совершалось это открыто и без всякого стеснения, так что парочкам, прилюдно занимающимся любовью, приходилось выслушивать циничные советы и замечания. Невообразимый гам сотрясал город, уличные клоуны и канатные плясуны до изнеможения смешили прохожих, виночерпии не успевали разли-

вать тосканское по кувшинам и бутылкам, а на площади, где давал представление театр комедии дель арте, протиснуться было невозможно, потому что места зрителями занимались заранее. Целое столпотворение было в центре города. Несмотря на то, что здесь находились гвардейцы дожа Мочениго и гости-иностранцы, простой люд упрямо ломился, желая посмотреть представление заезжих комедиантов...

Александр в сопровождении двух матросов из охраны Орлова, одетых пиратами, пришел на площадь Сан-Марко в разгар карнавала. Протиснуться к сцене оказалось весьма непросто. Тумаки, удары локтями, шиканье и брань захмелевших зевак сыпались со всех сторон. Только вблизи сцены он заметил, что здание прокуратуры прикрыто оцеплением из солдат, чтобы высокопоставленные особы могли свободно подходить к театральному помосту и наблюдать за зрелищем. На выходки скупого Панталоне и Доктора, одетого в традиционный черный костюм с белым воротником, глазели несколько приближенных дожа и двое тощих англичан, морских офицеров.

Вскоре к играющим присоединился красавчик Бригелла, которого тут же хотели заманить в ловушку два старика. Его реплики и шутки зрители воспринимали с одобрительными криками. Вдруг на сцену по-заячьи выскочил его слуга, Арлекин, в пестром лоскутном наряде, и, корча рожи, забегал в наклонку по сцене. Дикий хохот накрыл площадь. «Где моя Изабелла?» – вскричал красавчик и тронул свои пыш-

ные усы. Арлекин метал петли, пока не сделал ловкий переверот через голову. На отработанный трюк публика ответила радостным оживлением. Бригелла повторил свой вопрос, и вновь дурашливый слуга промолчал. Из-за кулисы появилась Коломбина, служанка, с корзинкой фиалок, и Бригелла воспылал к ней страстью, разразился монологом влюбленного.

– Стоим уже час, – посетовала маска рядом с Александром, взглянув на Часовую башню, возвышающуюся над площадью. – Где же Изабелла? Она до сих пор не появлялась. Говорят, очень смазлива!

Спутник ответил циничным намеком и, засмеявшись, они двинулись прочь от сцены.

Минул еще час. Встревоженный тем, что Ядвига не участвует в спектакле, Зодич терялся в догадках. Он, в полумаске и плаще, был легкоузнаваем. А то, что за ним следили, Александр догадался еще вчера, когда подходил к своей гостинице. Вдруг кто-то тронул за плечо, он оглянулся и увидел полную девушку в голубой тунике, лицо которой скрывала маска.

– О, господин, с вами желает встретиться моя хозяйка! – вкрадчивым голосом сообщила римлянка. – Она молодая и красивая, и знакома вам.

– Знакома? – насторожился Александр.

– О, да! Следуйте за мной. Вы не пожалеете!

Он сразу догадался, что девушка подослана. И его хотят

увести с площади как раз в тот момент, когда здесь может появиться свита Орлова-Чесменского. Впрочем, и торчать здесь также бесполезно, пока не определены участники заговора. Зодич оглянулся на своих спутников, «пираты» уловили его красноречивый взгляд.

Костюмированная римлянка провела мимо Дворца дождей и свернула в сумрачную улочку. Пахнуло застоявшейся сыростью. Вода канала мелко зыбилась. Одолев крутой мостик, они подошли к старому зданию, у которого возвышался каменный колодец для сбора пресной воды.

– Сюда, – указала, собираясь уходить, толстушка. – С вас денежка!

Зодич протянул ей монету и, обернувшись, заметил невдалеке своих помощников.

Тяжелая дверь под рукой Александра подалась, и он очутился в полутемном просторном помещении. В узкое окно едва проникал свет. И лица людей, представших пред ним, были бледны и расплывчаты. Он, с замершим сердцем, узнал всех: и мнимого Сикорского, и пана Манульского. «Цирковой стрелок» вскинул для острастки пистолет и неприязненно спросил:

– Мсье не ожидал такой встречи?

– Разумеется! Вот и пан Манульский меня было заподозрил. Даже хотел арестовать, – с вызывающей иронией возразил Александр.

– Вы хорошо владеете собой, милостивый государь, но...

Финита ла комедия!⁸ Из-за двери, ведущей в соседнюю комнату, раздался стук и донесся голос Ядвиги:

– Они выследили вас... Спасайтесь!

– Вот как? – хладнокровно произнес Зодич. – Стоит ли ревновать женщину, которая просто беседовала с мужчиной?

– Когда наша венская патриотка передала, что вы интересуетесь поляками, мы еще не знали, с кем имеем дело, – грубо выпалил Сикорский. – Вы просчитались! Спасти Орлова уже не удастся! Человек из свиты Дожа предупредит, когда этот обжора появится на площади. А я попадаю в монету с тридцати шагов!

– Жаль, я не прикончил тебя, подлый шпион, у себя дома! – заорал, выступив вперед, Манульский.

– Ждать некогда, мсье, – отрезал «стрелок», подлинный пан Ярошевский. – Я не убью вас при одном условии. Вы напишете согласие быть нашим агентом и перечислите всех, кто враждебен конфедерации. У вас нет иного выхода. Да или нет?

Ярошевский вытянул руку с пистолетом.

В этот миг дверь с грохотом распахнулась, и Ядвига с тяжелым подлокотником в руках выбежала на середину комнаты.

– Ай да ясновельможная пани! Вам жаль паршивого русского шпиона? – затрясся от негодования Манульский. –

⁸ Комедия окончена! (итал.)

Опомнитесь! Пся крев!

Вид Ядвиги был столь же безрассуден. В глазах таилась решимость. Лицо пылало. Но красота ее завораживала даже в эту минуту...

Заслоняя собой Зодича, она выкрикнула:

– Uciekajcie, pan!⁹

Грянул выстрел – реакция Ярошевского была мгновенной. Он растерянно вскрикнул. Александр, метнувшись к входной двери, заметил, как обмякло тело Ядвиги и бесчувственно завалилась набок ее голова. На выстрел влетели «пираты»! Драка была скоротечной. Избитые и связанные заговорщики остались под присмотром одного из матросов, а второй отправился за лодкой, чтобы доставить «пьяных господ» на русское судно, вставшее вблизи бухты...

Зодич бросился, держа раненую на руках, к дому доктора, указанному прохожим на улице. Ядвига не приходила в сознание, хотя кровотечение ослабло после того, как перевязал рану шарфом. Он бежал среди всеобщего ликования, среди мишурного блеска, хмельного многолюдства. Спешил, моля бога спасти женщину, благодаря которой остался жив. Так истово он давно не обращался к Спасителю. Теперь уже, как о свершенном, думалось об удачной поимке злоумышленников. Панов доставят на корабль главнокомандующего, и суд будет суров...

Доктор, вовсе не похожий на комедийного персонажа, мо-

⁹ Убегайте, пан! (польск.)

лодой и хваткий болонец (его выдавал диалект), узнав, что произошло, обследовал раненую и неотложно прооперировал. Ядвиге всё-таки повезло: пуля, пройдя навылет, не задела крупные сосуды. А в сознание, как заверил эскулап, синьора вернется через несколько часов. К тому же, получив денег больше, чем потребовал, он угодливо предложил «мсье Вердену» оставить у себя пациентку до выздоровления.

Ночью, при свече, Ядвига открыла глаза и попросила пить. Зодич, помня запрет доктора, только смочил ей губы. Со страхом и удивлением посмотрела она на Александра, склонившегося над ней.

– Кто вы?

– Ваш друг.

– А-а... Пан шпион? – узнав, с огорчением произнесла полька.

– Нет. Пан друг.

– Я натворила лиха... Что с Яцеком и Тадеушем?

– Они в очень надежном месте.

– Я так не хотела ехать сюда, в Венецию. Нет ничего удивительней, чем развлекать публику, случайный сброд... Они заставили меня отомстить за погибшего мужа... И вот что...

– Вы спасли мне жизнь. Почему?

Она на мгновение прикрыла глаза и, переведя дыхание, перешла с французского на родной:

– Nie wiem. Moze pomyslala o meza... Ciebie tez

– Я повстречал вас. И прошлое уже не имеет значения.

Пальцы Ядвиги зашевелились, она слабо приподняла руку и погладила его ладонь, протянутую навстречу...

И поныне помнилась Зодичу некая неведомая теплота, исходявшая от руки прекрасной польки. Предстоящая поездка много значила для выбора политического курса императрицы. Это было совершенно понятно: конфедераты окончательно не сломлены, католическая церковь настроена к России враждебно, король не обладает полной властью...

9

Великий переезд царского двора из Петербурга в Первопрестольную начался сразу же после Рождества.

Первыми тронулись обозы с имуществом и провиантом, различные дворцовые службы, придворная челядь и конюшенные. За ними последовали чиновники среднего уровня, канцеляристы и секретари. Наконец отправились особы, приближенные к императрице: статс-дамы, камергеры, адъютанты и церемониальный гусарский взвод. Сама императрица, встретив новый 1775 год и получив подробную реляцию о казни Пугачева и его сообщников, выехала со сво-

¹⁰ Не знаю. Возможно, вспомнила о муже.... Вас ведь тоже кто-то любит...
(польск.)

ей свитой только 16 января. Сопровождали ее вице-канцлер Голицын, генерал-аншеф князь Репнин, граф Салтыков и два генерал-адъютанта граф Брюс и Григорий Александрович Потемкин. Курьеры одолевали расстояние между столицами за три дня, а карета самодержицы катила почти неделю, добравшись до предместья Москвы, села Всесвятского, 22-го числа. В тот же день она с Потемкиным осмотрела сооруженный для нее дворец у Пречистенских ворот взамен сгоревшего четыре года назад, во время «чумного бунта», в Лефортове. Меблировка комнат и прочие недоделки заняли еще два дня. За это время государыня в своих сельских скромных покоях успела принять офицеров, разгромивших самозванца, и пожаловала из собственных рук полковнику Михельсону шпагу, украшенную бриллиантами. Удостоила она своим вниманием и московских купцов. А 25 января, после литургии в сельском храме, Екатерина въехала в древнюю столицу.

Чего так ждала она – уединения с любимым Гришенькой, бегства от столичного «света», целительной красоты подмосковной природы, – все эти перемены благотворно сказались на здоровье и настроении императрицы. С приходом весны она чаще выезжала в Коломенское, живя там во дворце, сохранившемся со времен царя Алексея Михайловича. В окружении свиты прогуливалась вдоль Москвы-реки, переправлялась на лодке в заречье. Там, в имении князя Кантемира, и приглядела она усадьбу для будущего дворца и парка.

Князь охотно уступил ей участок холмистого леса под названием Черная Грязь. Небольшое болотце там, действительно, имелось. Но окрестность вокруг была восхитительной! Дикое урочище с растущими по склонам соснами, елями и березками, широкие поляны, водная просторная гладь, тихая даже в непогоду, и – чистейший, с бальзамическим запахом воздух!

Порой Екатерина уединялась в маленьком доме, а «милая милюша» навещал ее, проживая на правах фаворита по нескольку дней. Он и предложил переименовать усадьбу в Царицыно. А затем привез архитектора Баженова и вместе с Екатериной дал наставления по разработке плана строительства будущего дворца.

Пятая беременность давалась Екатерине относительно легко. Мария Саввишна неусыпно следила за тем, чтобы наряды для матушки-государыни, пошитые на запас, доставлялись своевременно из столицы да были они пышней и богаче.

Но за увеселениями и маскарадами, на которые собиралось многочисленное общество родовитой знати, ни на день не забывала она о нуждах государственных и постоянно присутствовала на заседаниях Совета. За год пребывания с ней Потемкина двор преобразился значительно: многие сановники старшего поколения лишились должностей, а иные сами добровольно покидали. И при этом императрица не забывала осыпать их милостями и отпускала с Богом.

Между тем в Польше благодаря усилиям посланника Шта-

кельберга удалось примирить враждующие стороны и укрепить власть короля. Лавируя между магнатами и королем, Штакельберг утверждал политику, выгодную для России. Она состояла в том, чтобы Польша не стала плацдармом для враждебных действий стран, которые отнюдь не радовались миру соседней державы с Портой. Габсбурги не оставляли планов захватить, кроме полученной Галиции, еще Буковину и часть Валахии. Франция, пикируясь со своей вечной соперницей Англией, старалась ослабить империю Екатерины, подстрекая Швецию и Данию. За всем этим взирал зорким оком прагматичный прусский король, готовый на любой шаг, даже на военный удар, если этого потребуют интересы его страны.

В беспрестанных заботах, в подготовке манифеста о забвении всех дел, связанных с бунтом Пугачева, который был зачитан в Сенате, в приятных хлопотах, – ее упростили быть крестной матерью своих детей графы Яков Брюс и Петр Панин, – в скандальчиках и нежных свиданиях с «сударушкой Гришенькой» март незаметно приблизился к концу. Дни распахивались все шире, весна манила обновлением и призрачным счастьем...

Спор с сыном Павлом, великим князем, который упрекнул ее за слишком милостивый манифест, как бы умаляющий масштабы пугачевских злодейств, заставил ее ускорить решение вопроса по усмирению или даже ликвидации Запорожской Сечи. Несмотря на размолвку с «милушей», Екате-

рина пригласила его к себе, чтобы посоветоваться.

Потемкин вошел в ее кабинет с распахнутым окном, за которым слышалась залиvistая трель скворца. Выглядел он принаряженным: в удлинённом камзоле, украшенном красными обшлагами, в белых кюлотах и высоких сапогах, начищенных до блеска. Снова дивясь его могущественной стати, Екатерина не сдержала улыбку:

– Вы, однако, в хорошем настроении, граф Потемкин. И то, что чувствует сердце, вас любящее, замечать не намерены.

– Я повсёчасно принадлежу только вам, моя всемилостивейшая государыня! И ежели есть в чём-то моя вина, так только в одном: я люблю вас свыше разума и душевного предела, отпущенного мне Богом, и потому в иные разы не владею собой...

– Я весьма скучала, сударушка, не видевши тебя два дня с лишком. Благополучно ли прошли именины у матушки? Довольна ли моим гостинцем?

– Премного тронута и велела кланяться за оказанную Вашим Императорским Величеством милость! Вы знаете, что для меня мать. И я готов за это... – Потемкин вдруг опустился на колени и преклонил голову, и Екатерина любовно погладила его красивые, кольцеватые темно-русые волосы.

– Встань, батинька. Я и так знаю, что ты – мой. А ты ведаешь, что другого мне дружка и мужа не надобно... Садись к столу, давай дела вершить. Артикул Указа о сбавке

с продажи соли, который я поручила составить вам, Григорий Александрович, состряпан прескверно. Прошу его переделать и написать порядочно.

– Незамедлительно приложу все усилия!

– Мы уже обсуждали в Совете и с вами вели речь о судьбе Сечи. И коль назначены вы генерал-губернатором Новороссии, то и должны по сему вопросу надлежащее мнение составить и вывод принять.

Потемкин сосредоточенно помолчал. И, поймав взгляд императрицы, заговорил таким уверенным тоном, что легко было догадаться, что он немало размышлял над этой чрезвычайно непростой проблемой и у него готово свое обоснованное решение.

– Границы нашей империи на юге, Ваше Величество, продвинулись к Черному морю благодаря победе над Портой. Запорожцы, прежде охранявшие их и непрестанно воевавшие с недругами нашими, сие назначение утратили. Мне пришлось командовать их полками, и могу засвидетельствовать их отвагу и боевое умение. Они даже приняли меня в Сечь, в запорожские козаки, дав прозвище Грицка Нечесы.

– Верно дали. Кудри твои не расчешешь гребнем, – добродушно заметила Екатерина. – Жалобы на притеснения запорожцев, как ведомо мне, в изобилии поступают от новороссийских поселян. Иначе как разбойниками, запорожцев и назвать нельзя. Что скажешь, батинька, на сей счет?

– Совершенно так! В Новороссии проживает около полу-

тора сотен тысяч жителей. Освободившись от ратных забот, запорожцы принялись чинить козни супротив поселян, не гнушаясь ни добром их, ни землями, ни людьми. Почитай, на каждого запорожца приходится один пленный поселянин!

– Слугами, стало быть, доблестные «лыцари» обеспечились? – полувопросительно, с затаенным недовольством проговорила Екатерина Алексеевна и заключила: – Положить конец бесчисленным разбоям! Мне не надобно этого осинового гнезда, способного одурманить людей и зажечь на всю Россию новый бунт. Они стали дерзкими и недопустимо алчными, а посему следует действовать властно!

– Как главнокомандующий казачьими войсками полагаю, что такое решение весьма своевременно. Запорожский кош подлежит устранению.

– Тебе известно, друг мой, как я не понарошку пекусь о народе. Однако терпеть большую шайку нечестивцев, кои никому не подчиняются, а живут по своему уставу, более не стану. Зело вредно сие для всей нашей политики. Сегодня же отправлю я личную депешу малороссийскому губернатору Румянцеву. Пусть войска, возвращающиеся с Дуная, повернет на Сечь. Благо находятся они в походном порядке и со всем оружием. А поелику запорожцы обижают донских казаков, захватывая их земли, пусть не преминет взять в дело и донцов. У меня на них особая надежа!

– Осмелюсь доложить, команда с Дона для праздничного конвоя уже прибыла.

– Вот и славно. Хороши ли собою конвойцы?

– Я сделал выборку. Иных заменил.

– Ты вот что, Григорий Александрович, приходи нонче пораньше. Соскучилась несказанно...

– Я бы не покидал вас... – с замершим сердцем начал говорить «милюша».

– Румянцеву напишу, а также дам знать Секретной комиссии, – перебила его возлюбленная. – Пусть узнают агенты о настроениях в Сечи. И верны ли сообщения, что принимают они посланников султана, – повелительным голосом вдруг произнесла императрица, и Потемкин с досадой подумал, что только женщинам свойственна эта мимолетная перемена в чувствах, способность столь прагматично мыслить и принимать решения.

В тот же день Екатерина составила фельдмаршалу Петру Румянцеву, наместнику Малороссии, личное послание, где не утаивала наболевшего: «Запорожцы столько причинили обид и разорения жителям Новороссийской губернии, что превосходят всякое терпение. Предпишите секретно генерал-поручику князю Прозоровскому, чтобы он весьма внимал их поступкам и смотрел бы, нету ли у них каких сношений с татарами. Смирить их, конечно, должно, и я непременно то делать намерена. Для того и открываю вам мое желание, чтобы вы по возвращении полков в Россию назначили чрез их жилища марш по тому числу полков, чтоб было довольно ради обуздания сих беспутников. Имейте сие в тайне,

никому не проницаемой...»

10

Только в начале марта добралась Донская конвойная команда до Москвы, отмахав по зимним путям-перепутьям тысячу верст. Вел ее боевой полковник Василий Петрович Орлов. Под началом его было пять офицеров, в их числе Леонтий Ремезов, шестьдесят пять казаков и несколько денщиков. На каждого будущего конвойца приходилось по две лошади, итого набралось их полторы сотни. Благодаря расторопности, а зачастую и самоуправству поручика Матзянина, отвечавшего за продовольственное и кормовое обеспечение, придворная команда останавливалась вблизи придорожных трактиров, в деревнях, в помещичьих усадьбах. Казенного овса и сена, выделяемого по нормам кавалерийских полков, почти на всем пути следования не хватало. Измученные долгим переходом по глубокому снегу лошади исхудали донельзя и приняли такой жалкий вид, что Орлов неподалеку от Тулы решил для длительного постоя в имении помещика Сиволапова. На счастье, хозяин разрешил разместить лошадей в старом огромном овине, а казаков расселил по избам. Для офицеров отведен был отдельный флигель.

В первый же вечер, как только донцы расквартировались, Сиволапов пригласил офицеров к себе на ужин. К столу были поданы жареные утки в особом соусе, зайчатина, осет-

ринка, а к сему выставлена и бутылочная батарея. Наголовавшиеся гости принялись за трапезу с превеликим рвением. Сам хозяин, породистый, усатый великан с тяжелым и дерзким взглядом, взявший манеру держаться с соседями и с заезжими людьми запанибрата, наблюдал за донцами с усмешкой и движением головы давал знак лакеям расторопно наполнять чарки крепким мадьярским хересом. А гостечки, по всему, этому были весьма рады и не чинились, пили с нескрываемым удовольствием. Между тем с каждым тостом языки у пирующих развязывались. Сиволапов, любитель интриг, предпочитавший поить других, а сам вкушающий из бокала компот, стал допускать в разговоре вольности, желая подурочить постояльцев.

— Почто же вы, донские казаки, не поддержали своего земляка, Емельку Пугача? — вдруг спросил повеселевший помещик. — Он, подлец, намеревался всех нас, и дворян, и военных, и прочие сословия, перекрестить в казаки. То-то бы для вас волюшка была! — глядя на Орлова, вел крамольную речь бывший драгунский капитан. — Я с вашим братом, донцом, многожды в баталиях участвовал. В Семилетнюю войну вместе Берлин брали! И повсюду ухарству дивился! А вы не только бунтаря не поддержали, но сами же его и сцапали!

— Ты, барин, непонятное гутаришь, — с недоумением отвечивал есаул Баранов, первый помощник командира отряда. — Мы матушке-царице присягали и свои душеньки за дела ее кладем. А Емельку я на войне с пруссаками встревал.

Вор он и шельма ишо та! Ничтожная шкура! Как же с ним в кумпании состоять?

— Самозванец, как в манифесте государыни сказано, безвинных людей казнил, имения жег да грабил. Аль мы похожи на таких? — с укоризной спросил Орлов, статный красавец с проседью в бороде и волосах. — Знать, и вызвали нас в Москву из-за особого Ея Императорского Величества к донцам уважения.

Сиволапов хитровато усмехнулся:

— Вашего брата в один артикул не уложишь! Одним словом — вольные люди, казаки. А у казака в чистом поле — три воли... Ну, да бес с ним. Есть у меня в припасе хохлячья горилка, полтавский купчишка на днях заезжал. Есть желание отведать?

Казацьи офицеры одобрительно закивали.

Леонтий прислушивался к разговору, а думал об ином. По дороге намеревался он сбежать из конвойной команды, чтобы отправиться в кавказскую сторону на поиски Мерджан. Поделился своей бедой с урядником Бубенцовым, а тот только попенял: дескать, ты с ней повенчаться не успел, пред богом она тебе не жена, а девок заглядистых на Дону ясно, как звезд в морозную ночь. Эка потеря! Леонтий оборвал его и затаился. Самовольство конвойцев Орлов строго пресекал. А у Ремезова и так грехов за год набралось немало, тут и заступничество Платова уж точно бы не помогло...

Горилка одурманила донцов. И Сиволапов, охотник по-

глумиться, убедившись, что гости размякли и одолеваемы сладостной дремой, громко сказал:

– Я, господа донцы, почему поминул в разговоре Емельку Пугача... Имел удовольствие лицезреть казнь одного злодея, стоя у эшафота столь близко, что слышал его шепот. Зрелище, милостивые государи, презабавное!

Лица казачьих офицеров тронула тень.

– Представлял я его богатырем, а оказался он низкорослым замухрышкой, с рожей трактирщика. И как стали читать манифест государыни, пал на колени и от ужаса челюстью затряс... Герой пред беззащитными помещиками и бабами, а пред палачом рассопливился, стал у всех прощения просить...

Гости помрачнели – слова хозяина им были неприятны.

– И как только изволили манифест дочитать, кто-то из толпы крикнул: «А ну, поглядим, какая у него кровь, алая иль голубая, дворянская?» Палач подождал, пока с вора зипун сдернули и голову ко плахе пригнули, размахнулся и – хрясь по шее! Так башка Емельки и отлетела! И кровища фонтаном... А это, господа хорошие, нарушение государственного закона. Пугача должны были четвертовать, а не просто умертвить. Палач, подлец, вместо того чтобы руки и ноги рубить...

– Замолчь, ирод! – вскочил с остекленевшими от пьяного гнева глазами сотник Алабин. – Не измывайся над сродником нашим! Нехай он и душегубец, а раскаялся и христиа-

нином помер...

— Эт-то что за выходки?! — взорвался хозяин, давно уже готовый к скандалу. — Хам! Вон из моего дома! И вы, господа, не злоупотребляйте гостеприимством...

— Арестовать осквернителя указа императрицы! — жестко приказал Орлов.

Сиволапов грозно встал, но поручик Матзянин и Баранов, сидевшие поблизости, заломили ему руки и связали своими ремнями. Барина-дуролома отвели и заперли в чулане, поставив караул. Узнав от камердинера о произошедшем, хозяйка, тихая, забитая женщина, упала в обморок. Впрочем, скоро она пришла в себя и, приняв лаврово-вишневых капель, в сопровождении прислуги явилась ко двери, за которой был заточен супруг. Узник дал распоряжение сообщить в волость о казачьем разбое и потребовать для усмирения донцов войска. Он метал угрозы и донцам, и лакеям, не вступившимся за него, ссылаясь на дружбу с графом Петром Паниным, предрекал оскорбителям ссылку в Сибирь.

А казачьи офицеры, заставив лакеев обновить в канделябрах оплывшие свечи, продолжали трапезничать. Лишь под утро, отведа души песнями, подустали и разбрелись по отведенным во флигеле комнатам. Утро вечера мудренее...

Леонтий, слыша храп есаула Баранова, долго ворочался. Он всегда относился к людям ученым с почтением, стараясь набраться от них знаний. Вот и Сиволапов сперва показался ему особой достойной, а вышло наоборот. Богат, волен

в своих поступках, к чему бузить и самодурничать?

Запах дыма насторожил Леонтия. Сквозь щель в разошедшейся двери ветер доносил гаревой душок, знакомый с детства. Где-то неподалеку жгли камыш. Но почему ночью? Заливистое ржание подняло его на ноги! Он затряс есаула за плечо, крикнул, что горит овин. Баранов вскочил, сонно хлопая глазами, и вслед за Леонтием бросился на двор. И только на крыльце, ощутив босыми ногами лед, вспомнили они, что сапоги остались у камина.

Подворье озарялось высоким пламенем, пляшущим над крышей. Караульный казак с окровавленной головой лежал у ворот. Они были завалены бревнами. Лошади ржали, в страхе ломились наружу.

– Давай раскидывать! – приказал есаул. – Да живей!

Бревно оказалось дубовым. Надрываясь, они поднимали длинные ошкуренные заготовки, которые и для четверых были бы тяжеловаты, и вкат бросали под стену. Ни холода, ни окоченевших ног Леонтий не замечал, слышал только, как бешено стучит сердце. Вскоре подросли казаки. В несколько рук разбросали камышовую стену, делая проход для лошадей. Они с тревожным ржанием рассыпались по усадьбе. Вся команда собралась на пожарище. Денщик принес есаулу и Леонтию сапоги запоздало, когда пустая рига уже догорала, смешивая свет тлеющих головешек с первыми утренними лучами...

Орлов лично расследовал происшествие. Установить ис-

тинного злоумышленника было невозможно, поскольку помещичий староста скрылся. А поголовный допрос мужиков тоже не дал толку. Все слезно уверяли, что не выходили в эту стужу из своих изб и ничего слыхом не слыхивали. На офицерском совете решили всех мужиков, особенно Сиволапова, примерно выпороть; последнего наказать на глазах дворни и крепостных, а буде отставной капитан жаловаться на казаков властям, направить графу Потемкину рапорт о том, как двусмысленно намекал злоумышленник о бунте Пугачева. И в тот же день публичная порка была отменно исполнена!

Как ни странно, но этот случай на дороге никаких последствий для казаков не имел. Вероятно, придавать огласке то, как был порот донскими казаками, помещик Сиволапов поостерегся.

Первоначально донской конвойный отряд разместили в кавалерийских казармах. А с потеплением, по просьбе Орлова, перевели в село Коломенское, где донцы стали лагерем под открытым небом. Григорий Александрович Потемкин в ясный апрельский денек удостоил донцов чести, придирчиво осмотрев конвойную команду. Увы, рожами иные не вышли, ростом не добрали, справой не были достойны того, чтобы предстать пред взором самодержицы. По его распоряжению двадцать три казака были заменены. И к маю месяцу новобранцы поспешно явились в Москву, отобранные на сей раз новым войсковым атаманом Алексеем Ивановичем Ило-

вайским, пожалованным такой должностью лично Потемкиным не только за заслуги в поимке злодея Емельяна Пугачева, но и за исполнительность и твердость характера.

Ежедневная однообразная муштра, проезды в строю, джигитовка и свободное время, предоставленное с избытком, тяготили казаков, в том числе и Леонтия. Нередко он уезжал верхом на запасной лошади за село, на лесной берег Москвы-реки и подолгу сидел в одиночестве, думая о доме и Мерджан. Полгода уже минуло, и не осталось сомнений, что жену похитили.

Празднество победы над турками, как знал Леонтий, было намечено на июль. А после него, возможно, донцов отправят домой. И Леонтий намерился, всё бросив, искать Мерджан. объехать те края, где повстречал ее, где скитались ее соплеменники...

11

Легенда о самостийности и неподкупности запорожских козаков остается легендой. Возникшее в Средние века это поднепровское «товариство», окруженное со всех сторон странами-гигантами: Речью Посполитой, Крымским ханством, Российской и Оттоманской империями, обречено было, закалывая «дружество» с одними, выступать против других, не гнушаясь ни разбоями, ни убийствами. Верно служили запорожцы «ляхам», наперегонки записываясь в их ре-

естровые войска, легко переметнулись к шведскому королю Карлу XII и выступили против петровских полков, за что и были жестоко наказаны. Сечь была испепелена, а тысячи козаков, даже безвинных, не пошедших к гетману Мазепе, подверглись наказанию. С того 1709 года преклонились запорожцы под турецкого султана, позволившего им вновь создать Сечь в устье Дуная. Четверть века служили они иноверцам, но, когда назрела война османов с братьями-славянами, попросились под крыло русской императрицы. И Анна Иоанновна 7 сентября 1734 года, при посредстве генерал-майора Вейсбаха, помиловала запорожское козачество и дозволила возвратиться на родные пепелища.

В последнюю русско-турецкую войну в армии Румянцева воевало против турок более десяти тысяч запорожцев. И Екатерина Великая даже наградила их кошевого атамана Калнышевского орденом, осыпанным бриллиантами. С окончанием войны владения запорожцев разметнулись еще шире: с одной стороны они увеличились вдоль моря, по левому берегу Днепра, большим участком побережья против крепости Кинбурн¹¹ а с другой стороны, по правому берегу Днепра, тем углом земли, который лежал между устьями Буга, Каменки и Ташлыка. Соединение вод Днепра и Буга замыкало границу между владениями запорожскими и татаро-турецкими.

Замирение с Портой запорожцы сразу же использовали

¹¹ Кинбурн – Кылбурун (*татар.*) – мыс тонкий, как волос.

для укрепления своего владычества на землях Новороссии. Ничтоже сумняшеся, обложили они переселенцев и однодворцев, жителей слобод денежной повинностью за право ловить рыбу и пользоваться земельными угодьями. Запорожские владения были разбиты на участки, паланки, каждой из которых распоряжался ставленник кошевого. Особенно своевольничал один из них, полковник Гараджа, не гнушась ни поборами с поселян, ни пленением их. Больше всего страдали беженцы из Порты, сербы и черногорцы. Издавна бытовала среди казаков поговорка: «Татарина не убить, ляха не пограбить, так и не жить». Жалобы на притеснения запорожцев нескончаемо шли в Петербург.

Зодич, выдавая себя за французского путешественника, находился в Варшаве, стараясь найти возможность сближения с магнатами, противостоящими партии короля. Уже больше двух лет продолжались заседания сейма, а улаживания проблем, связанных с разделом Речи Посполитой, не предвиделось. Раздел этот формально должны одобрить сейм и особый Совет. Но споры о границах, о диссидентстве, о конфедератах, о пошлинной торговле, о гражданских правах не унимались.

Отто Магнус Штакельберг, русский посланник при короле, принял Вердена в своей резиденции, фасадом открывающейся на набережную Вислы. О том, что он конфиденгент Панина, посланник знал. Познакомились они еще в бытность

Штакельберга русским представителем в Испании.

– Прошу прощения, мсье, что не имел возможности увидеть вас раньше. Наши усилия благодаря богу начали приносить плоды. На днях сейм примет все важные решения. – Хозяин, статный, вежливый, длинноносый лифляндец, указал рукой на массивные венские кресла. – Ни дня, ни ночи покоя не ведал. Не нужна ли вам моя помощь?

Барон говорил с немецким акцентом, но довольно правильно строил речь. Эту особенность Зодич заметил еще в Мадриде.

– Признателен за беспокойство, ваше сиятельство. Срочной депешей направлен в Малороссию. Так что мое путешествие продлится.

– А что там? Назревает смута? – поинтересовался Штакельберг и взял в руки серебряную табакерку, выложенную драгоценными камнями.

– Постараюсь выяснить, каковы у запорожцев намерения.

– Мне известно, что вы предотвратили покушение на графа Орлова.

Зодич устало махнул рукой.

– Это уже забылось. Как же вам удалось ясновельможных панов привести к согласию?

– О, мой бог! Это было непросто... – и посланник, ставший фактически вице-королем Польши, стал рассказывать о том, с каким трудом собирался из сенаторов и выборных сейм. Выборные, или, как их называли, послы, были все под-

куплены, получая за молчание до 300 червонцев, а те, кто ораторствовал, и того более. Многие из них, взявши деньги, вообще не появлялись на сейме. Так что из трехсот человек на заседаниях присутствовало около тридцати сенаторов и менее ста выборных. Сеймовый маршал, Адам Понинский, получая три тысячи червонцев в месяц, всячески уговаривал шляхту и прочих сеймовиков пойти на уступки, поскольку невозможно противостоять могуществу трех держав. Литовский маршал сейма Карл Радзивилл, напротив, держался стороны противников Станислава-Августа. После нескольких месяцев заседаний сейм, выбрав делегацию по решению возникших проблем, был на время распущен. И так, переливая из пустого в порожнее, сторонники короля и их противники из конфедератов более двух лет вели дискуссию об устройстве государственной жизни, которая, в сущности, никак не изменилась, хотя и были передвинуты границы.

– Вы помните, мсье Верден, что польские дела осложнились в самый трудный период войны с Портой. Австрия втайне заключила договор с Турцией, получив от нее 22 миллиона гульденов, часть Валахии и льготы для торговли. Союз Австрии с Францией был скреплен семейными узами. Таким образом, против нашей императрицы сразу бы выступили две страны, имеющие армии в несколько сотен солдат. Мы были вынуждены ускорить раздел Польши!

– Эта идея, если не ошибаюсь, принадлежит королю прусскому Фридриху. Пять лет назад я гостил в Нейштадте, где

этот король встречался с австрийским императором Иосифом. По моим сведениям, монархи говорили о том, как ослабить Россию. И вскоре Фридрих своевольно захватил приграничное Вармийское епископство, а его австрийский приятель – 500 польских сел и богатые соляные копи.

– Наша самодержица была вынуждена подписать договор о разделе Речи Посполитой, несмотря на условия в угоду союзникам. Самый лакомый кусок получила Австрия, присоединив территорию в полторы тысячи квадратных миль, с населением в два с половиной миллиона. Король Фридрих вытребовал Восточную Пруссию, где проживает девятьсот тысяч человек, а местность освоена и налажено хозяйствование.

– А мы получили дремучие белорусские леса и болота.

– В данном случае важнее не новые земли, а проживающий на них народ. Полтора миллиона православных белоруссов освобождены государыней от притеснения католиков. Впрочем, мы также оговорили все права «диссидентов», то есть православных, живущих в Польше.

За ужином речь пошла о текущих делах. Штакельберг поведал о событиях, связанных с уничтожением иезуитского ордена папой Климентом XIV. Богатые имения этого ордена в Польше и Литве обращались в фонд, предназначенный для воспитания юношества. Но фондом этим и доходами распоряжалась делегация, выбранная сеймом. Сеймовый маршал Понинский и канцлер Млодзеевский, возглав-

лявшие эту временную комиссию, учинили люстрацию. Была проведена оценка имений, и путем занижения их стоимости (с полутора миллионов злотых до трехсот тысяч) иезуитские земли весьма выгодно распределили между самими делегатами. Не забыли и о короле, отрядив ему четыре казенных поместья и еще пять для раздачи. Штакельберг похвалил короля за то, что пожаловал двумя из них Ксаверия Бранецкого, сменившего фамилию на Браницкого. Во-первых, потому, что боролся тот с конфедератами в составе русских войск, заслужив благосклонность Екатерины, а, во-вторых, в знак почтения к Григорию Потемкину, на чьей племяннице был женат этот поляк.

– Сеймовый маршал и канцлер Млодзеевский варварски захватили иезуитские богатства, золотую и серебряную утварь, имущество. И, представьте, назначили себе пенсии. Потому что Речь Посполитая остается с избирательным правлением, с либерум вето, то есть правом накладывать вето любому из сеймовиков. Постановлено, что только природный поляк из рода Пястов, имеющий шляхетское достоинство и владения в этой стране, может быть избран королем. Но его дети или внуки следом за ним не имеют права избираться. Совет при короле строго наблюдает за происходящим в Польше. Воспитание юношества, находящееся в руках духовенства, наконец поставлено под надзор государства. И многое Станислав-Август делает с ведома и благословения Ее Императорского Величества.

Зодич, знавший многое из того, о чем рассказывал барон, перевел разговор на жизнь высшего шляхетства, упомянув имена хорошеньких полек. Штакельберг заметно оживился. И Зодич вспомнил эпизод, как три года назад (тогда Штакельберг был комендантом Кракова) французский отряд Виоменила, пробравшись в город по трубе для нечистот, захватил барона в объятиях польской любовницы. И если бы подоспевший Суворов не обложил старую польскую столицу, то быть бы Отто Магнусу непременно в плену у злопыхатных конфедератов...

– Мне необходим слуга и опытный проводник, – обратился Зодич к посланнику в конце визита. – В дороге всякое случается.

Штакельберг пообещал подобрать из своего русского окружения подходящего человека.

– И вот еще о чем я хотел бы узнать у вас, барон, – обмолвился Зодич. – Не приходилось ли вам встречаться с полькой по имени Ядвига Браницкая?

– Нет. Это имя я слышу впервые.

Зодич откланялся. Надежда разыскать Ядвигу в польской столице не сбылась.

12

Ночной гонец привез из Крыма засургученную грамоту. Владельца Мисоста Баматова, одного из самых влиятель-

ных людей Кабарды, будить, однако, не стали. Он, точно предчувствуя что-то важное, сам проснулся еще до утреннего намаза, вышел во двор. Услышав от слуги о приезде крымца, Мисост встревожился. Несмотря на пожилой возраст, глаза его не утратили зоркости, и он легко прочел при блеске свечи грамоту, объявшую радостным трепетом. Под ней стояла подпись нового крымского хана! Прежде всего, в послании уведомлялись владельцы Большой и Малой Кабарды, что на заседании Дивана прежний хан Сагиб-Гирей отстранен от власти, а вместо него избран Девлет-Гирей. И, приступая к своим делам, он нерушимым словом подтверждает, что Кабарда принадлежит Крымскому ханству. Отныне и впредь ее жители берутся под покровительство Девлет-Гирея, как и они обязаны неукоснительно соблюдать все его распоряжения.

Нарочные разнесли это сообщение по селениям и аулам. Издавна существовали на этих землях две группировки, две партии – Кашкатауская, тяготеющая к России, и Баксанская, в которой состояли приверженцы Порты и Крыма. Нередко взгляды их менялись, и, в зависимости от сложившейся ситуации, владельцы объединялись, выступая одним фронтом или вновь занимая враждебные позиции. И весть о восхождении на крымский престол ставленника Порты вынудила владельцев, каких бы взглядов они ни придерживались, собраться вместе.

В аул Мисоста Баматова владельцы стали съезжаться

с раннего утра. Роса, блестящая на черепичных крышах, и безоблачное небо сулили погожий день. По улочкам стелился сизый кизячный дым. Горьковатый запах его мешался с ароматом цветущих груш, с терпким духом раскрывшихся листьев. На широком подворье Баматова стало тесно от лошадей. Дом владельца, построенный по крымскому образцу, в два уровня, не смог вместить приехавших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.